

УФИМСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 12-й.

1899 г.

15 Юня.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

ГОДЪ ХХІ.

УФА
Губернская Типографія.
1899.

УФИМСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ
ВѢДОМОСТИ.
ГОДЪ ХХІЙ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

* ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦІИ СПѢХЪ ВѢДОМОСТЕЙ
ПРИ УФИМСКОЙ ДУХОВНОЙ
СЕМИНАРІИ. *

* ЦѢНА ГОДОВОМУ ИЗДАНІЮ,
СЪ ДОСТАВКОЮ И ПЕРЕСЫЛКОЮ,
5 РУБ. 50 КОП. *

№ 12

1899

15 Юня.

ОТДѢЛЪ ОФИЦІАЛЬНЫЙ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

* Священникъ Спасской церкви села Загорскаго, Уфимскаго уѣзда, Анатолій Проскураковъ, согласно резолюціи Его Преосвященства, отъ 12 Мая 1899 года, переведенъ на священническое мѣсто къ Троицкой церкви села Новотроицкаго, Уфимскаго уѣзда.

* Священникъ Троицкой церкви села Новотроицкаго, Уфимскаго уѣзда, Сергѣй Никитскій, согласно резолюціи Его Преосвященства, отъ 12 Мая 1899 года, переведенъ на священническое мѣсто къ Христорожественской церкви Юрюзанскаго завода, Златоустовскаго уѣзда.

* Священникъ Христорожественской церкви Юрюзанскаго завода, Златоустовскаго уѣзда, Теодоръ Соболевъ, согласно прошенію, переведень на священническое мѣсто къ Христорожественской церкви села Ашкашловъ, Уфимскаго уѣзда.

* Духовникъ 1-го благочинническаго округа, Уфимскаго уѣзда, заштатный священникъ Николай Агровъ 8 Мая 1899 года, волею Божіею, померъ.

* Священнической сынъ Александръ Платоновъ, согласно прошенію резолюціей Его Преосвященства, отъ 20 Мая 1899 года, опредѣлень испр. долж. псаломщика къ Богородицкой церкви села Сергѣевки, Уфимскаго уѣзда.

* Псаломщическій сынъ Михаилъ Андиферовъ, согласно прошенію, резолюціей Его Преосвященства, отъ 24 Мая 1899 года, опредѣлень испр. долж. псаломщика къ Христорожественской церкви села Печенкина, Бирскаго уѣзда.

* Псаломщикъ Христорожественской церкви села Костеева, Белебеевскаго уѣзда, Левъ Лавровъ, согласно прошенію, резолюціей Его Преосвященства, отъ 30 Мая 1899 года, переведень тѣмъ же званіемъ къ Покровской церкви села Бакаловъ, Белебеевскаго уѣзда, а на мѣсто его, Лаврова, опредѣлень и. д. псаломщика сынъ крестьянина Анавія Лобановъ.

* Псаломщикъ — діаконъ градоуфимской Никольской церкви Василій Аргентовскій Его Преосвященствомъ 23 Мая 1899 года рукоположень въ санъ священника и опредѣлень на священническое мѣсто къ Спасской церкви села Загорскаго, Уфимскаго уѣзда.

* Бывшій псаломщикъ Александръ Ульяновъ, согласно резолюціи Его Преосвященства, отъ 12 Мая 1899 года,

опредѣлень испр. долж. псаломщика къ градоуфимской Никольской церкви.

* Бывшій послушникъ Уфимскаго Архіерейскаго дома Михаилъ Васильевъ, согласно резолюціи Его Преосвященства, отъ 15 Мая 1899 года, опредѣлень временно испр. долж. псаломщика къ Успенской церкви села Анастасьина, Бирскаго уѣзда.

* Учитель Тюинской земской школы, Бирскаго уѣзда, Михаилъ Желвидкій, согласно прошенію, резолюціей Его Преосвященства, отъ 8 Іюня 1899 года, опредѣлень псаломщикомъ къ Богородицкой церкви села Краснаго Холма, Бирскаго уѣзда.

* Ученикъ псаломщическаго класса, при Уфимскомъ Братствѣ Воскресенія Христова, Алексій Айгильдинъ, согласно прошенію, резолюціей Его Преосвященства, отъ 8 Іюня 1899 г., опредѣлень и. д. псаломщика къ Спасской церкви с. Останкова, Мензелинскаго уѣзда.

Епархіальная хроника.

Мая 23. Его Преосвященство изволиль служить Литургію въ Крестовой церкви въ сослуженіи братіи архіерейскаго дома, при чемъ во время Литургіи рукоположень въ священника діаконъ, состоявшій на псаломщической вакансіи при Стерлитамакскомъ Соборѣ, В. Аргентовскій съ опредѣленіемъ его къ церкви села Загорскаго. По окончаніи Литургіи, ровно въ 12 часовъ дня, Владыка посѣщилъ прибыть на желѣзно-дорожный вокзалъ, гдѣ торжественно была совершена закладка новаго каменнаго храма во имя Святителя Николая Чудотворца. Честь и слава служащимъ на пути земныхъ передвиженій за ихъ заботливое памятованіе о путяхъ ко спасе-

нію; два съ небольшимъ года прошло съ тѣхъ поръ, какъ ими устроены были деревянный храмъ, а нынѣ заложены уже и каменный! Дай Богъ, чтобы это доброе начало увѣнчалось и добрымъ концомъ!...

Мая 25. Въ Каѳедральномъ Соборѣ послѣ Литургіи, отслуженной соборіею, Его Преосвященствомъ въ 11 часовъ совершена была царскій молебенъ съ участіемъ всего градскаго духовенства и въ присутствіи гражданскихъ и военныхъ чиновъ и властей города.

Мая 27. Всенощное бдѣніе на праздникъ Вознесенія Господня Его Преосвященство изволилъ служить въ Крестовой церкви, а Литургію на другой день—въ градской Никольской церкви по случаю престольнаго придѣльнаго праздника. За Литургіею на маломъ входѣ Владыкой Архипастыремъ торжественно возложена палица на Благочиннаго градскихъ церквей Протоіерея М. Свѣтловзорова. Послѣ Литургіи состоялся крестный ходъ вокругъ храма съ праздничнымъ молебнымъ пѣніемъ и съ водоокропленіемъ на всѣхъ четырехъ сторонахъ. По окончаніи богослуженій, Преосвященный почтилъ своимъ посѣщеніемъ настоятеля церкви о. Протоіерея Соколова и о. Благочиннаго Свѣтловзорова, и къ 2 часамъ отбылъ въ свои покои.

Іюня 1. По случаю своего тезоименитства Его Преосвященство изволилъ служить всенощное бдѣніе и Литургію въ Крестовой церкви. По окончаніи Литургіи, градскимъ духовенствомъ при предствоятельствѣ о. Ректора Семинаріи отслуженъ былъ о здравіи Владыки молебенъ Св. мученику Іустину, и затѣмъ маститый виновникъ торжества со славою прослѣдовалъ въ свои обновленные покои, гдѣ, по исполненіи краткаго молитвословія съ многолѣтіемъ, отъ нѣкоторыхъ духовныхъ корпорацій поднесены были на новоселье по русскому обы-

чаю хлѣбъ и соль. Владыка благосклонно принялъ по-
ношенія и, изъявивъ всѣмъ искреннюю признательность
за выраженное ему расположеніе и любовь, пригласилъ
присутствующихъ раздѣлить съ нимъ братскую трапезу.

Іюня 2. Сего числа въ 1 часъ дня Его Преосвящен-
ствомъ, по приглашенію Г. Управляющаго Уфимскимъ
Отдѣленіемъ Государственнаго Банка, совершено было
освященіе вновь выстроеннаго зданія для помѣщенія се-
го учрежденія, при чемъ отслуженъ молебенъ Пр. Бого-
родицѣ съ водоосвященіемъ, прочитаны положенныя по
чину молитвы и зданіе надлежаще помазано освящен-
нымъ елеемъ и окроплено св. водой. По окончаніи бого-
служенія, Владыка принялъ участіе въ задравныхъ оф-
фиціальныхъ тостахъ и, откушавъ чай, въ третьемъ часу
отбылъ въ свои покои.

Р.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

С л о в о,

произнесенное предъ панихидой по А. С. Пушкинъ. *)

Сегодня, братіе, вмѣстѣ со всей остальной Россіей мы
чествуемъ память великаго нашего національнаго поэта,
Александра Сергѣевича Пушкина, по случаю исполнив-
шейся столѣтней годовщины со дня его рожденія. Ка-
кой-же истинный смыслъ этого чествованія? Въ чемъ
заключается его сущность и каково должно быть его
дѣйствительное значеніе?

*) въ церкви Уф. муж. гимназіи.

Чрезвычайно многочисленны и разнообразны тѣ частныя способы, которые принимаются отдѣльными учрежденіями, обществами и лицами, чтобы почтить память Пушкина, а потому и самыя формы чествованія также многочисленны и разнообразны. Но во всѣхъ этихъ частностяхъ среди этого разнообразія усматривается одно общее и основное стремленіе, составляющее самую сущность настоящаго чествованія: стремленіе возобновить и укрѣпить связь, соединяющую современныхъ людей съ умершимъ поэтомъ, выяснить, опредѣлить и установить правильныя, разумныя отношенія къ самой его личности и совершенному имъ дѣлу.

Но здѣсь самъ собою является вопросъ: какъ-же возможно говорить теперь о личности чествуемаго поэта и объ отношеніяхъ къ ней, если онъ давно уже умеръ и, такимъ образомъ, какъ-бы исчезло и уничтожилось то, что мы разумѣемъ подъ живою человѣческою личностью? И однако несомнѣнно, что во всѣхъ чествованіяхъ нынѣшняго дня на первомъ планѣ поставляется, именно, личность Ал. Сер. Пушкина: произносятся похвальные рѣчи ему, поются составленные въ честь его торжественныя гимны, создаются, въ память его, различныя просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія и т. п. Имѣетъ-ли все это смыслъ, если самого Пушкина теперь уже не существуетъ? Разумно ли изобрѣтать разнообразные способы чествованія, если не существуетъ лица чествуемаго? Вѣдь не можетъ-же все это относиться къ одному имени поэта, потому что имя есть только звукъ. Значитъ всей торжественностью нынѣшняго дня мы сами ясно удостовѣряемъ, что нашъ великій поэтъ и послѣ своей смерти существуетъ, а потому и личность его можетъ служить предметомъ чествованія. Да, братіе, мы вѣруемъ несомнѣнно въ его загробное существованіе вмѣстѣ съ прежде отшедшими отцами и братьями нашими.

а благодаря этому, и настоящее торжество получает глубокий смысл и значеніе, какъ выраженіе нашего благодарнаго памятованія о человѣкѣ, сослужившемъ великую службу русскому обществу.

Но что-же мы, съ своей стороны, можемъ сказать Александру Сергѣевичу, въ воздаяніе его великихъ заслугъ? Почести, похвалы, прославленіе — вообще все, въ чемъ обыкновенно состоитъ чествованіе людей прославившихся, и что обыкновенно является столь привлекательнымъ для человѣка въ настоящей жизни, — для него теперь не имѣетъ никакого значенія. Для души, отрѣшившейся отъ этого міра, совершенно чужды интересы земной жизни. Единственный способъ выраженія любви и благодарности со стороны живыхъ по отношенію къ умершимъ — это молитва за нихъ; чрезъ нее только и возможно общеніе съ умершими. Поэтому и въ настоящемъ случаѣ наша первая и священная обязанность — молиться за того, кому мы хотимъ воздать подобающее чествованіе. Сознаніе этой священной обязанности по отношенію къ А. С. Пушкину служитъ для насъ побужденіемъ, въ силу котораго, мы явились въ этотъ храмъ въ день, посвященный торжеству въ честь его.

Молитва за умершихъ есть вообще нравственный долгъ каждаго православнаго христіанина: это есть даръ нашей христіанской любви къ нашимъ усопшимъ братіямъ о Христвъ Іисувъ. Этотъ долгъ лежитъ на насъ и по отношенію къ приснопамятному собрату нашему по вѣрѣ Христовой, Ал. С. Пушкину. Но возносимая нами теперь о немъ молитва есть не только даръ нашей христіанской любви къ нему, но и нашей признательности ему, какъ человѣку честно потрудившемуся на живѣ отечественной, посвятившему всѣ свои силы на служеніе духовной жизни русскаго народа и произведеніями

своего поэтического творчества много содѣйствовавшему ея возвышенію, а главное—указавшему истинный путь для ея развитія—въ духѣ чисто русскихъ національныхъ началъ. Мы должны молиться за него, потому что къ этому насъ побуждаетъ потребность нашего сердца, проникнутаго живымъ чувствомъ благодарности къ нему за его многоплодную дѣятельность.

Но есть еще причина, которая въ настоящемъ случаѣ дѣлаетъ молитвы Церкви особенно необходимыми и насъ, почитающихъ память великаго поэта, побуждаетъ съ большимъ усердіемъ молиться о упокоеніи души его. Вспомнимъ, братіе, печальную исторію его безвременной кончины. Какъ ни дорога намъ его память, но, съ прискорбіемъ, нужно сознаться, что она омрачается этими тяжелыми воспоминаніями и для нравственнаго сознанія христіанина нуждается въ очищеніи. Омрачается его память именно мыслью о самовольномъ съ его стороны распоряженіи своею жизнью, изъ побужденій—личнаго свойства. Конечно, разумъ человѣческій, руководимый движеніями сердца, можетъ измыслить не мало различныхъ оправданій для такого поступка, возводя его даже на степень нравственнаго подвига и этимъ вполнѣ удовлетворяя людей, руководящихся правилами естественной нравственности. Но совѣтъ истинно вѣрующаго христіанина не могутъ успокоить въ этомъ отношеніи никакія измышленныя разумомъ человѣческимъ оправданія и извиненія. Христіанская вѣра учитъ, что только одинъ Богъ есть владыка живота и смерти и распорядитель судьбами какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ народовъ. Очевидно, съ этой точки зрѣнія, всякое посягательство человѣка на свою или чужую жизнь является посягательствомъ на право и власть самого Бога и въ нравственномъ отношеніи составляетъ тяжкій грѣхъ.

Но мы ни на минуту не должны останавливаться на такомъ безотрадномъ выводѣ по отношенію къ памяти А. С. Пушкина. Вѣрующій христіанинъ, какъ-бы тяжело онъ ни согрѣшилъ, имѣетъ надежду на спасеніе, основывающуюся на милосердіи Божіемъ, обладаетъ и средствомъ получить прощеніе грѣховъ— въ таинствѣ покаянія. Къ утѣшенію своему, мы можемъ быть вполне увѣрены въ томъ, что Пушкинъ, особенно въ послѣдніе годы своей жизни, былъ проникнутъ искреннимъ религіознымъ чувствомъ, проявившимся отчасти и въ его творческой дѣятельности; это свидѣтельствовало, что онъ былъ вѣрующимъ христіаниномъ, а потому и ему не чужда была конечно надежда на милосердіе Божіе. При такой настроенности ума и сердца, онъ встрѣтилъ свою кончину дѣйствительно, похристіански, удостоившись послѣдняго напутствія въ жизнь вѣчную, чрезъ покаяніе и причащеніе св. Таинъ. Примирившись со своею совѣстію въ предсмертныя минуты своей жизни, Александръ Сергѣевичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, очистилъ свою память отъ нареканія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ и избавилъ себя отъ обвиненія въ тяжкомъ преступленіи противъ своей жизни; а чрезъ это онъ достигъ и примиренія съ людьми. Но для совершеннаго оправданія предъ Богомъ и примиренія съ Нимъ, ему необходимо было, кромѣ чистосердечнаго раскаянія, принести плоды достойные покаянія, т. е. добрая дѣла, добрую жизнь, вполне согласную съ званіемъ истиннаго христіанина, чтобы загладить свой грѣхъ. Но смерть лишила его этой возможности.

Въ этомъ отношеніи великую услугу душѣ умершаго оказываетъ Церковь православная, которая, какъ попечительная мать, въ силу искупительныхъ заслугъ І. Христа, ходатайствуетъ предъ Богомъ о прощеніи и оставленіи грѣховъ всѣхъ усопшихъ отецъ и братьевъ нашихъ,

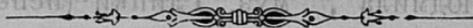
скончавшихся въ вѣрѣ и надеждѣ живота вѣчнаго. Если всѣ умершіе имѣютъ нужду въ молитвахъ церкви, то въ настоящемъ случаѣ нельзя не признать особенной необходимости въ такомъ молитвенномъ ходатайствѣ. Это очевиднымъ образомъ указываетъ на то, что если намъ дѣйствительно дорога память нашего великаго поэта, если мы питаемъ къ нему искреннія чувства любви и признательности, до сихъ поръ соединяющія насъ духовною связью съ его личностью, то мы должны соединиться въ усердной молитвѣ объ упокоеніи его души.

Итакъ, братіе, вотъ какое чествованіе приличествуетъ Александру Сергѣевичу Пушкину, и, по условіямъ его настоящаго бытія, только это именно и можетъ имѣть для него истинное значеніе и быть ему вполне благоприятнымъ. Потому-то въ нынѣшній день по всему пространству православной Россіи и совершаются въ память его церковныя богослуженія и вообще заупокойныя о немъ моленія, полагающія начало и составляющія какъ-бы первую часть нынѣшняго празднованія. Все остальное, что за симъ имѣетъ послѣдовать и что должно придать особеиную торжественность такъ называемому Пушкинскому празднику, — относится уже не къ самой его личности, но составляетъ, въ сущности, прославленіе его дѣятельности и должно служить къ раскрытію въ сознаніи общества благотворныхъ плодовъ ея. А потому эта часть празднованія имѣетъ значеніе, именно, для самого общества и преимущественно для молодого поколѣнія, давая ему возможность извлечь для себя назидательные уроки изъ творческой дѣятельности Пушкина и изъ произведеній, проникнутыхъ тѣмъ духомъ, тѣми чувствами, стремленіями и идеалами, въ которыхъ заключалась вся сила и внутренній смыслъ его творчества. Потому-то учащееся юношество и принимаетъ такое не-

посредственное и живое участіе въ торжественномъ чествованіи памяти Пушкина.

Но прежде чѣмъ приступить къ этой второй части торжества, намъ надлежитъ окончательно завершить приносимый теперь даръ нашей христіанской любви и нашей признательности умершему поэту: помолимся, братіе, едиными устами и единымъ сердцемъ о упокоеніи души приснопамятнаго раба Божія Александра. Аминь.

Законоучитель Уфимской мужской гимназіи Священникъ **А. Новорусскій.**

Чествованіе памяти **А. С. Пушкина** въ Уфимской Духовной Семинаріи.

26 Мая въ Уфимской Духовной Семинаріи происходило скромное чествованіе памяти **А. С. Пушкина**. Наканунѣ въ семинарскомъ храмѣ было отслужено всенощное бдѣніе. Утромъ 26 Мая семинарія прежде всего вознесла молитвы Господу Богу объ упокоеніи души раба Божія боярина Александра. Въ 9 часовъ утра началась заупокойная литургія, совершенная О. Ректоромъ Семинаріи Протоіереемъ **Н. О. Вознесенскимъ** въ сослуженіи съ духовникомъ Протоіереемъ **И. П. Тимашевымъ**, а послѣ литургіи соборнѣ же была отслужена панихида. Минуть черезъ 40 по окончаніи Богослуженія, начальствующіе, учащіе, учащіяся и посторонніе посѣтители собрались, за неимѣніемъ актовaго зала, въ одномъ изъ классовъ семинаріи. (Нѣкоторые воспитанники, вслѣдствіе недостатка мѣстъ въ классѣ находились въ примыкающемъ къ классу корридорѣ). Чествованіе поэта началось интродукціей изъ оперы Гуно „Фаустъ“, исполненной семинарскимъ оркестромъ подъ управленіемъ

емъ преподавателя М. И. Ясенева. Далѣе слѣдовала кантата Лисицина: „Памяти Пушкина“, исполненная семинарскимъ хоромъ. Затѣмъ преподаватель словесности и Исторіи Литературы Г. І. Граммаковъ прочелъ составленную имъ и весьма прочувствованную рѣчь на тему: „Религіозно-нравственный элементъ въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина“. *) По окончаніи чтенія, воспитанники семинаріи, подъ управленіемъ преподавателя М. И. Ясенева, исполнили вокальныя и музыкальныя пьесы: 1) Юбилейная пѣсня Пушкину на слова Пушкина, музыка Козаченко (исполнилъ хоръ). 2) „Антрактъ“ изъ оперы: „Русланъ и Людмила“, муз. Глинки (испол. оркестръ). 3) Хоръ изъ оперы: „Русалка“, музыка Даргомыжскаго (исп. хоръ). 4) „Деревенскія сцены“, музыка Кафка (испол. оркестръ). 5) Пѣсня Пушкина: „Буря мглою небо кроетъ...“ музыка Даргомыжскаго (исполнилъ хоръ). 6) Pot—pourri изъ оперы: „Евгеній Овѣгинъ“, муз. Чайковскаго (исполнилъ оркестръ). Чествованіе закончилось исполненіемъ народнаго гимна: „Боже, Царя храни“ (хоръ и оркестръ).

Религіозно-нравственный элементъ

въ сочиненіяхъ

А. С. Пушкина.

Рѣчь, произнесенная препод. Г. І. Граммаковымъ.

В. В—іе, М. Г—ни и М. Г—ри!

Когда, по поводу юбилея А. С. Пушкина, начались сужденія о немъ, то намъ приходилось слышать мнѣ-

*) Помѣщ. ниже.

ніе, будто Пушкинъ отнесся къ религіи отрицательно, на основаніи чего высказывалось предположеніе, что духовное сословіе и духовно-учебныя заведенія не будутъ принимать участія въ чествованіи памяти великаго поэта. Мнѣніе это намъ представляется весьма ошибочнымъ, — и въ настоящій торжественный день, когда и духовное сословіе, вмѣстѣ съ другими сословіями много—милліоннаго Русскаго государства, молится объ упокоеніи души поэта и чествуетъ его память, мы беремъ на себя смѣлость предложить Вашему просвѣщенному вниманію нѣсколько соображеній, опровергающихъ вышеуказанное мнѣніе и доказывающихъ, что Пушкинъ былъ человѣкомъ глубоко вѣрующимъ и религіознымъ. Въ своихъ сужденіяхъ мы будемъ основываться исключительно на произведеніяхъ поэта и постараемся, насколько достанетъ умѣнья, отмѣтить религіозно-нравственный элементъ въ сочиненіяхъ А. С. Пушкина. Конечно, мы не претендуемъ на всестороннее и вполне обстоятельное раскрытіе поставленнаго вопроса, требующее и болѣе значительнаго времени, и болѣе обширной научной опытности, чѣмъ тѣ, какими мы имѣли возможность располагать. Наша цѣль будетъ достигнута, если намъ удастся поколебать предубѣжденіе противъ поэта и доказать, что Пушкинъ, по своимъ убѣжденіямъ, насколько они выразились въ его произведеніяхъ, былъ истинный сынъ Православной Церкви.

I.

Основанія для мнѣнія о Пушкинѣ, какъ поэтѣ безрелигіозномъ — стихотворенія отрицательнаго характера. — Значеніе этихъ стихотвореній. — Причина ихъ появленія — крайняя отзывчивость поэта. — Стихотвореніе: „Возрожденіе“.

Мнѣніе о Пушкинѣ, какъ поэтѣ безрелигіозномъ, создалось не безъ основанія. Среди его стихотвореній встрѣчаются такія произведенія, которыя противорѣчатъ духу христіанскаго ученія или обнаруживаютъ недостойное христіанина отношеніе къ вопросамъ вѣры. А извѣстно, что подобныя произведенія у многихъ читателей пользуются большимъ вниманіемъ, чѣмъ мѣста, противоположныя имъ по духу и характеру ¹⁾. Только при серьезномъ, вдумчивомъ чтеніи поэта, только при отсутствіи всякаго предубѣжденія, личность поэта выступаетъ предъ читателемъ въ истинномъ своемъ свѣтѣ. Если мы внимательно, безъ предубѣжденія перечитаемъ сочиненія Пушкина, то найдемъ у него

¹⁾ Думается что и несчастная дуэль Пушкина не мало повредила ему во мнѣніи общества. Не споримъ что дуэль — явленіе въ высшей степени безобразное, противное и духу, и буквѣ христіанскаго ученія. Но развѣ самъ Пушкинъ не сознавалъ этого? Развѣ не онъ съ поразительной художественностью выставилъ все безобразіе этого явленія въ своемъ романѣ: „Евгеній Онегинъ.“? Вѣдь, весь рассказъ о дуэли Ленскаго съ Онегиномъ дышетъ горячимъ протестомъ противъ этого дикаго обычая свѣта. Почему же, спрашивается, Пушкинъ поступилъ вопреки своему убѣжденію? Намъ думается потому же, почему и теперь люди часто поступаютъ своими убѣжденіями въ жертву обычаямъ свѣта, законамъ моды. Вѣдь мода, обычаи вѣка — это такая страшная сила, съ которой не только отдѣльныя лица, но и цѣлыя общества часто не въ состояніи бывать бороться. Не забудемъ и того, крайне возбужденнаго состоянія, въ которомъ находился Пушкинъ, возмущенный дошедшими до него слухами. Въ минуты сильнаго возбужденія человѣкъ рѣшается на все.

много стихотвореній, проникнутыхъ глубокимъ религіознымъ чувствомъ, — стихотвореній, въ которыхъ каждая строка, каждое слово дышатъ искреннимъ, неподдѣльнымъ религіознымъ одушевленіемъ.

Теперь невольно возникаетъ вопросъ: какъ объяснить то обстоятельство, что у одного и того же поэта встрѣчаются стихотворенія, противоположныя по духу и характеру? Какія произведенія должно принимать во вниманіе при рѣшеніи вопроса о религіозной настроенности Пушкина?

Чтобы отвѣтить на поставленные вопросы, мы позволимъ себѣ на время уклониться отъ поставленной темы и отмѣтить одну изъ особенностей поэтического творчества Пушкина, выдѣляющую его изъ ряда другихъ нашихъ поэтовъ.

Въ настоящій день, когда Россія чествуетъ память знаменитаго поэта, все образованное русское общество, какъ одинъ человѣкъ, склоняется предъ тѣнью великаго генія. Люди, принадлежащіе къ различнымъ сословіямъ, къ различнымъ литературнымъ направленіямъ и школамъ, руководящіеся различными убѣжденіями и взглядами, одинаково принимаютъ участіе въ этомъ истиннѣ всероссійскомъ торжествѣ. Фактъ знаменательный! Еще ни одного поэта Русь не чествовала такъ дружно, такъ единодушно, какъ теперь она чествуетъ Пушкина. Въ чемъ же причина этого явленія? Конечно, Пушкинъ, по художественной прелести своихъ произведеній, стоитъ неизмѣримо выше другихъ поэтовъ, но, намъ думается, не въ одной геніальной художественности его произведеній кроется причина этого единодушія. Если все русскіе люди такъ охотно и дружно чествуютъ память поэта, не значитъ ли это, что произведенія его нашли и находятъ себѣ откликъ въ каждой русской душѣ? А это, въ свою очередь, не

свидѣтельствуеть ли о томъ, что поэтъ въ своихъ созданіяхъ отзывался на всевозможныя явленія жизни русскаго народа, что правъ былъ онъ, сказавъ о себѣ:

„ неподкупный голосъ мой

Былъ эхо русскаго народа“¹⁾

Большая часть писателей и поэтовъ избирають, подобно съ своимъ личнымъ настроеніемъ, предметомъ своего творчества одинъ извѣстный кругъ явленій, идей, чувствъ, человѣческихъ отношеній; одни изображаютъ бытъ народа, другіе — жизнь образованнаго общества, одни рисуютъ этнографическія картины, другіе анализируютъ душевную жизнь человѣка, одни отмѣчаютъ свѣтлыя явленія жизни, другіе — мрачныя и т. д. до безконечности. Только поэты — гении съ чуткой отзывчивой душой, съ широкой поэтической наблюдательностью одинаково отзывчивы на всевозможныя явленія жизни. Они подобны эху, съ которымъ сравниваетъ себя Пушкинъ,

На все отозвавшійся сердцемъ своимъ,

Что просить у сердца отвѣта²⁾

Не даромъ Вѣлинскій удивлялся „способности Пушкина переноситься легко и свободно въ самыя противоположныя сферы жизни“.

Вотъ эта то впечатлительность, эта крайняя отзывчивость поэта и была причиною того, что онъ иногда, преимущественно въ первые годы своего творчества, поддавалъ вліянію тлетворныхъ вѣяній времени и выражалъ волновавшія его сомнѣнія и чувства въ своихъ произведеніяхъ. Но такія минуты въ жизни поэта, къ счастью, были очень рѣдки, почему и количество отдѣльных отрывковъ и выраженій, а тѣмъ болѣе цѣль-

1) „Отвѣтъ“.

2) Баратынскій. „На смерть Гете“.

ныхъ стихотвореній, проникнутыхъ отрицательными идеями, — незначительно, если не сказать, ничтожно ¹⁾. Неужели эти минуты увлеченія даютъ намъ право обвинять Пушкина въ безрелигіозности. Въдь, подобныя минуты бывають въ жизни почти каждаго человѣка, бывали даже и въ жизни людей, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ. Но можно ли на основаніи этихъ минутныхъ увлеченій судить о постоянномъ преобладающемъ настроеніи человѣка? Конечно, нѣтъ. Въдь, и въ другихъ сферахъ душевной жизни мы замѣчаемъ подобныя уклоненія отъ нормы. Развѣ храбрые не бывають иногда трусами, прилежные — лѣнивыми, милостивые — суровыми, рѣшительные — колеблющимися, разсудительные — неразумными и наоборотъ. И самъ Пушкинъ смотрѣлъ на свои минутныя увлеченія духомъ сомнѣнія и эпикурейскими идеями, какъ на мимолетныя слабости, порожденныя тлетворнымъ вліяніемъ духа времени, вліяніемъ „князя міра сего“ (Іоан. XIV, 30), какъ это видно изъ его прекраснаго стихотворенія: „Возрожденіе“.

Художникъ варваръ кистью сонной

Картину генія чернить

И свой рисунокъ беззаконный

Надъ ней безсмысленно чертитъ.

Но краски чуждыя съ лѣтами

Спадають ветхой чешуей;

Созданье генія предъ нами

Выходитъ съ прежней красотой.

¹⁾ Существуютъ рукописи, содержащія подобныя стихотворенія, приписанныя Пушкину безъ всякаго основанія. По складу, характеру и степени художественности, они и не могли принадлежать Пушкину.

Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моею,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ чистыхъ дней.

Такъ и съ души Пушкина — созданія Высочайшаго —
Художника—Бога, спадали тѣ грубыя краски (дурныя
влеченія, сомнѣнія), которыми иногда пятналъ ее тле-
творный духъ „вѣка сего“, всюду разливаемый худож-
никомъ — варваромъ.

И снова возникали въ ней „видѣнья чистыхъ дней“,
возвышенныя и благородныя мысли и чувства, снова
поэтъ проникался религіознымъ одушевленіемъ, выра-
зившимся въ прекрасныхъ по идеямъ и художествен-
ныхъ по формѣ произведеніяхъ, къ обзору которыхъ
мы теперь и переходимъ.

II.

а. Главныя достоинства религіозныхъ стихотвореній
Пушкина. — Образъ ветхозав. пророка. — Отношеніе Пуш-
кина къ молитвословіямъ и обрядамъ Православной Церкви.
— Оцѣнка отрицательныхъ явленій въ области религіоз-
но—нравственной жизни. — Мнѣніе Пушкина о воспита-
тельномъ значеніи христіанства. — Взглядъ его на со-
стояніе невѣрія. — Отношеніе къ духов. сословію. —

б. Нравственные идеалы Пушкина.

Наша отечественная литература богата произведени-
ями, созданными подъ вліяніемъ религіознаго чувства,
которое одушевляло очень многихъ русскихъ поэтовъ
и которое является главною силою въ духовной жизни
русскаго народа. Къ сожалѣнію, очень многія изъ сти-
хотвореній религіознаго характера страдаютъ обыкно-
венно однимъ изъ двухъ недостатковъ. Или они, буду-
чи прекрасны по художественности изложенія, не впол-

въ соотвѣтствуютъ духу, характеру христіанскаго ученія, неправильно освѣщаютъ библейскія событія и факты изъ жизни священныхъ лицъ; или, будучи вполне согласны съ духомъ и буквой христіанскаго ученія, будучи вѣрны священо-историческимъ даннымъ, страдаютъ недостаткомъ художественности, блѣдностью красокъ, сухостью изложенія. Въ стихотвореніяхъ Пушкина мы не находимъ ни того, ни другого недостатка. Будучи высокохудожественными, прекрасными по формѣ и изложенію, твореніями поэта—генія, они въ тоже время вполне соотвѣтствуютъ смыслу христіанскаго ученія, правдиво передаютъ чувства вѣрующей души.

Едва ли нужно замѣчать, что въ данномъ случаѣ разумѣется согласіе по духу, не по формѣ, соотвѣтствіе внутреннее, а не внѣшнее. Поэтъ не богословъ, обязанный сдерживать порывы своей фантазіи и опираться въ своихъ сужденіяхъ на фактическія данныя. Поэтъ и въ религіозныхъ стихотвореніяхъ можетъ допустить вымыселъ, но вымыселъ его въ этомъ случаѣ не долженъ противорѣчить фактическимъ даннымъ. Библейскія и церковно-историческія лица должны быть охарактеризованы согласно съ Библіей и исторіей, событія должны быть представлены въ истинномъ свѣтѣ, чувства должны быть вполне достойны православнаго христіанина.—Позволимъ себѣ привести примѣръ.

Личность Іуды—предателя давно уже привлекаетъ вниманіе поэтовъ и художниковъ, которые словами и красками стараются нарисовать мрачный образъ этого преступника. Но во многихъ поэтическихъ изображеніяхъ Іуды личность эта освѣщается ложнымъ свѣтомъ, какъ личность не столько преступная, сколько несчастная, какъ жертва недоразумѣнія, порожденнаго ложными

взглядами Иудеевъ на Мессію и т. п., приче́мъ обычно игнорируется его корыстолюбіе, вопреки ясному свидѣтельству Евангелія: *тамъ бѣ* (Іоанн. XII, 6). У Пушкина въ стихотвореніи „Подражаніе Итальянскому“ мы видимъ совсѣмъ иное. Хотя Пушкинъ и изображаетъ фактъ вымысленный, но личность Иуды является здѣсь предъ нами въ томъ самомъ мрачномъ образѣ, какой начертанъ въ Евангеліи и въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ страстной седмицы.

Какъ съ древа сорвался предатель—ученикъ,
Лукавый прилетѣлъ, къ лицу его приникъ,
Дохнулъ жизнь въ него, взвился съ своей добычей
смрадной.

И бросилъ трупъ живой въ гортанъ геены гладной..
Тамъ бѣсы, радуясь и плеща, на рога
Пріяли съ хохотомъ всемірнаго врага,
И шумно понесли къ проклятому владыкѣ.
И сатана, привставъ, съ веселіемъ въ лицѣ
Лобзаніемъ своимъ насквозь прожегъ уста,
Въ предательскую ночь лобзавшія Христа!

Какъ видите, Пушкинъ не поскупился на мрачныя краски. Иуда въ его стихотвореніи — „предатель ученикъ“, „всемірный врагъ“, „смрадная добыча лукавыхъ бѣсовъ“, величайшій грѣшникъ, котораго адъ встрѣчаетъ съ такимъ торжествомъ. Невольно, при чтеніи этого стихотворенія, вспоминаются слова І. Христа: *горе человеку тому, имъ же Сынъ Человѣческой предается; добре было бы ему, аще не бы родился человекъ той.* (Марк. XIV, 21).

То же соотвѣтствіе съ духомъ христіанскаго ученія мы замѣчаемъ и въ другихъ стихотвореніяхъ Пушкина

Такъ, напри́мѣръ, въ стихотвореніи: „Пророкъ“ предъ нами выступаетъ во все́мъ величіи образъ ветхозавѣтнаго пророка, алчущаго и жаждущаго правды и не на-

ходящаго ее въ современномъ обществѣ, которое представляется умственному взору пророка бесплодной пустыней. Явившійся пророку Серафимъ возвышаетъ его духовную природу, дѣлаетъ умъ его наблюдательнымъ, сердце впечатлительнымъ, рѣчь убѣдительною, воспаляетъ его („угль, пылающій огнемъ“) *ревностю, яже по Бозь*. Гласъ Божій посылаетъ избранника на дѣло служенія. — Хотя въ этомъ стихотвореніи изображается не библейски — историческій фактъ, но всѣ подробности стихотворенія точно списаны со страницъ Библии. Всѣ фразы, обороты и отдѣльные слова — важныя, серьезныя, почти на половину славянскія — носятъ библейскій характеръ. Даже размѣръ стиха — величественно-спокойный и ровный, — какъ нельзя болѣе, соответствуетъ общему тону и характеру всего произведенія. Развѣ не свидѣтельствуетъ все это о томъ, что Пушкинъ умѣлъ проникаться духомъ библейскаго повѣствованія, что, — намъ думается, — доступно только чловѣку вѣрующему и религіозному.

Умѣлъ Пушкинъ проникаться и высоко-художественными, и глубоко-трогательными молитвословіями и пѣснопѣніями Православной Церкви, которыя сложили

Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтобъ сердцемъ возлетать во области заочны,
 Чтобъ укрѣплять его средь дольнихъ бурь и битвъ.
 Вотъ переложеніе молитвы, которую

..... священникъ повторяетъ
 Во дни печальные великаго поста.

Владыко дней моихъ! Духъ праздности унылой,
 Любоначалія — змѣи сокрытой сей,
 И празднословія не дай душѣ моей.
 Но дай мнѣ зрѣть мои, о Боже, прегрѣшенья,
 Да братъ мой отъ меня не приметъ осужденья,
 И духъ смиренія, терпѣнія, любви

И цѣломудрія мнѣ въ сердцѣ оживи! („Молитва“)

Считаемъ лишнимъ говорить о томъ, насколько переложеніе соотвѣтствуетъ тексту и духу смиренной христіанской молитвы. Отмѣтимъ лишь то, что, кромѣ переложенія великопостной молитвы, въ приведенномъ стихотвореніи мы находимъ краткую, но мѣткую, дышащую глубокимъ уваженіемъ, характеристику церковныхъ молитвословій, которыя 1) укрѣпляютъ челоуѣка среди волненій житейскаго моря и 2) возносятъ умъ и сердце его „во области заочны“ — къ Богу.

Не былъ Пушкинъ и безучастнымъ зрителемъ церковныхъ обрядовъ, въ исполненіи которыхъ онъ желалъ видѣть отсутствіе всякой внѣшней, не-церковной торжественности. Такъ, въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ возмущается тѣмъ, что у Креста Христова поставили часовыхъ въ киверахъ и съ ружьями. Для уясненія смысла этого стихотворенія, надо замѣтить, что въ нѣкоторыхъ епархіяхъ ¹⁾ есть обычай въ великую пятницу поставлять среди церкви большой крестъ съ изображеніемъ распятія, — крестъ, стоящій обыкновенно въ церкви у праваго клироса. Очевидно, въ 30-хъ годахъ ²⁾ обычай этотъ соблюдался въ Петербургѣ, при чемъ въ одномъ храмѣ у креста были поставлены часовые съ ружьями. Это подало Пушкину поводъ сравнить обстановку историческаго событія на Голгоѣ съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ храмѣ. На Голгоѣ,

Когда великое совершалось торжество, у Креста Христова стояли Марія Магдалина и Пресвятая Дѣва.

Но у подножія теперь Креста честнаго,

Какъ будто у крыльца правителя градскаго,

Мы зримъ — поставлено на мѣсто женъ святыхъ —

1) Напр., въ Оренбургской.

2) Стихотвореніе относится къ 1836 году.

Въ ружьѣ и киверѣ два грозныхъ часовыхъ.
Къ чему, скажите мнѣ, хравительная стража?
Или распятіе— казенная поклажа
И вы боитесь воровъ или мышей?
Иль мните важности придать Царю царей?
Иль покровительствомъ спасаете могучимъ
Владыку, тервиемъ вѣнчаннаго колючимъ,
Христа, предавшаго послушно плоть Свою
Вичамъ учителей, гвоздямъ и копію?
Иль опасаетесь, чтобъ червь не оскорбила
Того, чья казнь весь родъ Адамовъ искупила;
И чтобъ не потѣснить гуляющихъ господъ,
Пускать не вельно сюда простой народъ.
Чтобы понять законность негодованія Пушкина, выраженного въ послѣднихъ двухъ строкахъ, не надо забывать, что храмъ—это единственное мѣсто, гдѣ предъ лицомъ Царя Небеснаго исчезаютъ всѣ имущественныя и сословныя различія; гдѣ царь и рабъ, господинъ и слуга, вельможа и крестьянинъ чувствуютъ себя равноправными гражданами Христова Царства. И больно бываетъ видѣть, когда и въ этомъ мѣстѣ „народу“ даютъ чувствовать его неравноправность ¹⁾).

¹⁾ Намъ случилось видѣть, какъ въ одномъ губ. городѣ (О—ѣ) полиція грубо прогоняла отъ соборныхъ дверей всѣхъ богомольцевъ, бѣдно одѣтыхъ, хотя болѣе, чѣмъ $\frac{1}{3}$ собора оставалась незанятою, такъ что распоряженіе— не пускать простой народъ—вызвано было не опасеніемъ тѣсноты, а боязнію, какъ бы, не потѣснить господъ“. Когда простой народъ и мѣщане до пускались въ соборъ, тогда центральная часть собора оцѣплялась полицейскими. Въ эту часть пропускали только важныхъ (по вѣншему виду) господъ и тамъ было почти пусто. Простые смертные тѣснились въ придѣлахъ.

Впрочемъ, какъ бы мы не смотрѣли на приведенное стихотвореніе Пушкина, какъ бы не относились къ чувствамъ, выраженнымъ поэтомъ, въ данномъ случаѣ не важно. Для насъ важенъ самый фактъ, что Пушкинъ горячо принялъ къ сердцу обстановку церковнаго обряда. Пусть негодованіе Пушкина несправедливо (хотя мы не думаемъ такъ), — пусть, но, право, оно въ тысячу разъ лучше того убійственнаго равнодушія, съ которымъ многіе свѣтскіе люди относятся ко всему, что носитъ характеръ церковности, той странной (чтобы не сказать болѣе) ироніи, съ какой они говорятъ о церковныхъ обрядахъ. Этотъ религіозный индеферентизмъ не ускользнулъ отъ вниманія поэта и онъ, какъ человѣкъ глубоко вѣрующій, удивлялся безчувственному отношенію общества къ вопросамъ вѣры. Въ своей обширной рецензій о „Словарѣ святыхъ, прославленныхъ въ Россійской Церкви“ кн. Эрыстова, Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ: „Издатель „Словаря о святыхъ“ оказалъ важную услугу исторіи. Между тѣмъ, книга его имѣетъ и общую занимательность: есть люди, не имѣющіе никакого понятія о житіи того св. угодника, чье имя носятъ отъ купели до могилы, и чью память празднуютъ ежегодно. Не дозволяя себѣ никакой укоризны, не можемъ, по крайней мѣрѣ, не дивиться крайнему ихъ нелюбопытству ¹⁾“.

Впрочемъ, Пушкинъ понималъ, какъ далеко еще свѣтское общество отъ идеала истинно-христіанской жизни, какъ часто высокія истины христіанскаго вѣро-и-правоученія кажутся сынамъ вѣка сего (Лук. 16, 8) юродствомъ и убійствомъ (1 Корин. I, 18, 21). Въ стихотвореніи: „Странникъ“ онъ изображаетъ человѣка, внезапно познавшаго суету свѣта, то зло, въ которомъ

¹⁾ Соч. Пушкина, изд. Карцева, ч. II, стр. 298.

лежить міръ (1 Соб. посл. Іоанна V, 19) и которое грозитъ ему гибелью, — человекъ, проникнутаго страстнымъ желаніемъ обрѣсти „спасенья узкій путь и тѣсныя врата“, чтобы шествовать по этому пути неуклонно. И что же? Жена, дѣти и друзья „здравый умъ его разстроенымъ почли“. И когда онъ быстро устремился къ тѣснымъ вратамъ, за которыми виднѣлся ему свѣтъ, то, — рассказываетъ странникъ:—

И дѣти, и жена кричали мнѣ въ дорогу,
Чтобъ воротился я скорѣе. Крики ихъ
На площадь привлекли пріятелей моихъ.
Одинъ бранилъ меня. Другой моей супругѣ
Совѣты подавалъ, иной жалѣлъ о другѣ,
Кто поносилъ меня, кто на смѣхъ подымалъ,
Кто силой воротить сосѣдямъ предлагалъ.

Подобныя отношенія общества къ истиннымъ ревнителямъ благочестія, къ сожалѣнію, очень обычны. Разумѣется, формы ихъ проявленія (въ жизни и печати) разнообразны до безконечности: отъ легкой насмѣшки до озлобленнаго негодованія. И далеко не всѣмъ представляются они въ томъ истинномъ свѣтѣ, въ какомъ изобразилъ ихъ Пушкинъ. Пушкинъ сумѣлъ отрѣшиться отъ поверхностнаго взгляда людей, именующихъ себя интеллигентными, и опредѣлить истинное значеніе указанныхъ выше фактовъ. Вообще Пушкинъ серьезно вдумывался въ смыслъ различныхъ явленій жизни, старался опредѣлить ихъ причины и значеніе. Въ своей „Запискѣ о народномъ воспитаніи“¹⁾ онъ указываетъ причины появленія и распространенія въ обществѣ „преступныхъ заблужденій“ и видитъ средство къ ихъ искорененію въ правильномъ христіанскомъ воспитаніи и серьезномъ образованіи общества. Въ этой „Запискѣ“

¹⁾ Сочин. Пушкина. Изд. Карцева, II, 168.

онъ, между прочимъ, замѣчаетъ: „преобразование семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полного особеннаго разсмотрѣнія“. Такимъ образомъ, не забыты Пушкинымъ и наши семинаріи, на которыя „свѣтская публика“ и до сихъ поръ часто смотритъ съ обиднымъ незаслуженнымъ пренебреженіемъ ¹⁾).

Вообще Пушкинъ очень высоко ставилъ воспитательное значеніе христіанства, видѣлъ въ христіанствѣ великую моральную силу. Въ своей поэмѣ: „Галубъ“ онъ сопоставляетъ вліяніе любвеобильнаго христіанскаго ученія, дышащаго кротостію и всепрощеніемъ, съ суровымъ фанатизмомъ ислама. Представителемъ первого является Тазитъ, сынъ Галуба, воспитанный тайнымъ христіаниномъ, представителемъ второго — его отецъ Галубъ, суровый горецъ, жаждущій кровавой мести за смерть старшаго сына. Онъ желаетъ видѣть въ Тазитѣ грознаго мстителя убійцѣ брата, но нѣжная душа Тазита, воспитаннаго подъ вліяніемъ иныхъ началъ, всѣми силами противится кровавой мести. Такова, какъ видно изъ черновыхъ замѣтокъ Пушкина, идея этой небольшой по объему и неоконченной, но серьезной по замыслу поэмы.

Признавая христіанство великою воспитательною силою, Пушкинъ въ распространеніи его видѣлъ главное средство для усмиренія непокойныхъ кавказскихъ горцевъ. Въ своемъ сочиненіи: „Путешествіе въ Арзерумъ“ Пушкинъ, указавъ нѣкоторыя второстепенныя средства для усмиренія Кавказа, продолжаетъ: „есть, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе сообразное съ просвѣ-

¹⁾ Стоитъ припомнить тѣ толки въ обществѣ и печати, которые вызваны ожидаемой реформой семинарій.

щеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія; но объ этомъ средствѣ Россія доннынѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ ней несомвѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто изъ насъ не думаетъ препоаясаться и идти съ міромъ и крестомъ къ бѣднымъ братіямъ, лишеннымъ доннынѣ свѣта истиннаго. Такъ ли исполняемъ мы долгъ христіанства?... Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ“. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о справедливости или несправедливости упрековъ Пушкина по адресу православныхъ миссіонеровъ, мы не можемъ не видѣть изъ приведенной пламенной тирады, какъ высоко цѣнилъ Пушкинъ вліяніе христіанства и какъ горячо желалъ онъ (дѣйствительнаго) фактическаго распространенія его среди язычниковъ — горцевъ Кавказа. Такъ не могъ бы чувствовать и говорить легкомысленный вольнодумецъ, какъ нѣкоторые представляютъ себѣ Пушкина. Интересна замѣтка, непосредственно слѣдующая за приведенной выше тирадой. „Предвижу, пишетъ Пушкинъ, улыбку на многихъ устахъ. Многіе, сближая мои коллекціи стиховъ съ черкесскимъ негодованіемъ, подумаютъ, что не всякій имѣетъ право говорить языкомъ высшей истины. Я не такого мнѣнія. Истина, какъ добро Мольера, тамъ и берется, гдѣ попадается“¹⁾. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ,

¹⁾ „Путеш. въ Арзерумъ“, гл. I.

Пушкинъ зналъ, что многіе смотрѣли на него, какъ на поэта далеко не серьезнаго и не глубокаго, какъ на такого поэта, которому и не пристало говорить серьезнымъ языкомъ. Но многіе ли знали, какъ мало удовлетворяло Пушкина „веселье безумныхъ лѣтъ“, какъ „томилъ его тоскою однозвучный жизни шумъ“, какъ жаждалъ онъ душевнаго покоя, какъ завидовалъ инокамъ монастыря на Казбекѣ, который онъ называетъ „вождедѣннымъ берегомъ“ житейскаго моря.

„Туда бѣ“ — восклицаетъ онъ, — въ заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!“¹⁾

Если Пушкинъ и переживалъ минуты сомнѣнія, то онъ искупилъ ихъ той мучительной тоской, сердечной болью, которую онъ испытывалъ въ эти минуты. Въ вѣрѣ онъ видѣлъ источникъ чистыхъ радостей и убѣжище отъ житейскихъ невгодъ, а состояніе человѣка невѣрующаго представлялось ему самымъ жалкимъ и даже ужаснымъ, какъ это видно изъ стихотворенія его: „Безвѣріе“. Вся жизнь человѣка невѣрующаго, „безумно погасившаго отрадный сердцу свѣтъ“, по взгляду Пушкина, „есть мракъ и иступленье“. Онъ

..... бродить съ увядшею душой,

Своей ужасною томимой пустотой;

То горьки слезы леть, то рабъ страстей волненья,

Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.

Напрасно, въ пышности свободной простоты,

Природы передъ нимъ открыты красоты;

Напрасно вкругъ себя печальный взоръ онъ водить:

Умъ ищетъ Божества, а сердце не находитъ.

Въ несчастіи для человѣка невѣрующаго нѣтъ утѣшенія и отрады, — онъ чувствуетъ себя одинокимъ.

¹⁾ Стихотвореніе: „Монастырь на Казбекѣ“.

И мощная рука къ нему съ дарам и мира
Не простирается изъ-за предѣловъ міра.
Теряя близкихъ сердцу, вѣрующій человѣкъ утѣша-
ется надеждой на свиданіе за гробомъ;
А онъ, слѣпой мудрецъ, у гроба стонетъ онъ.
Съ усладой бытія несчастный разлученъ,
Надежды тихаго не внемлитъ онъ привѣта:
Подходить къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта.
Вотъ онъ на могилѣ дорогого для него существа:
Къ кресту прикинулъ онъ безчувственной главой;
Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньѣ ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Дрожить!....
Во храмъ Всевышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При древнемъ торжествѣ священныхъ алтарей,
При гласѣ Пастыря, при сладкомъ хоромъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрное мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зреть,
Съ померкшею душой святынѣ предстоить,
Холодный ко всему и чуждый умиленья!
Какая безотрадная картина! Какія мрачныя краски!
Какимъ ужасомъ вѣетъ отъ этой картины! Очевидно,
что Пушкинъ переживалъ подобныя минуты, но еще
болѣе очевидно, что стихотвореніе это принадлежитъ
человѣку вѣрующему, мало того, — въ вѣрѣ находящему
источникъ отрады и утѣшенія, смыслъ жизни человѣ-
ческой и значеніе красотъ природы. Извѣстно, что
Пушкинъ вообще отличался жизнерадостнымъ настро-
еніемъ, свѣтлымъ открытымъ характеромъ и вовсе не
походилъ на изображеннаго здѣсь атеиста. Въ при-
веденномъ стихотвореніи Пушкинъ является даже апо-
логетомъ вѣры; только апологія его направлена не къ
уму, а къ сердцу читателей.

Тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ религіи опредѣляется и характеръ отношенія къ служителямъ церкви, пастырямъ. Какъ вѣрный сынъ Церкви, Пушкинъ относился къ представителямъ духовной власти съ глубокимъ уваженіемъ. Какимъ глубокимъ уваженіемъ, почти благоговѣніемъ, какой сыновней покорностью, дышать его „Стансы“, посвященные м. Филарету. Известно, что это стихотвореніе написано Пушкинымъ послѣ того, какъ м. Филаретъ на известное стихотвореніе Пушкина: „Даръ напрасный, даръ случайный“ (26 Мая 1828 г.) ¹⁾, отвѣтилъ своимъ, замѣчательнымъ по глубинѣ мысли и силѣ выраженія, стихотвореніемъ: „Не напрасно, не случайно“... Воздавая въ „Стансахъ“ должную дань уваженія великому іерарху, Пушкинъ въ то же время выражаетъ здѣсь взглядъ на свои вольныя произведенія, какъ на случайныя уклоненія отъ задачъ истинно-поэтическаго творчества, порожденныя увлеченіемъ „забавами“ свѣта или „праздной скукой“.

Въ часы забавъ или праздной скуки,

Бывало, лиръ я моей

Ввѣрялъ изнѣженные звуки

Безумства, лѣни и страстей.

¹⁾ На это несчастное стихотвореніе чаще всего ссылаются, какъ на доказательство безрелигіозности Пушкина. Но вотъ что замѣчаетъ по поводу этого стихотворенія Бѣлинскій: „Пьеса: «Даръ напрасный, даръ случайный» есть ни что иное, какъ порожденіе одной изъ тяжелыхъ минутъ нравственной апатіи и душевнаго отчаянія. Но она отнюдь не есть выраженіе паэоса (т. е. сущности) Пушкинской поэзіи, а скорѣе случайное противорѣчіе паэосу его поэзіи“ (статья 1844 г.).

Но и тогда струны лукавой

Невольно звонъ я прерывалъ,

Когда твой голосъ величавый

Меня внезапно поражалъ.

Я лиль потоки слезъ нежданныхъ;

И ранамъ совѣсти моей

Твоихъ рѣчей благоуханныхъ

Отраденъ чистый былъ елей.

И нынѣ съ высоты духовной

Мнѣ руку простираешь ты,

И силой кроткой и любовной

Смиряешь буйныя мечты.

Твоимъ огнемъ душа палима,

Отвергла мракъ земныхъ суетъ,

И внемлетъ арфѣ Серафима

Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Едвали можно что-нибудь прибавить къ блестящей, хотя и краткой характеристикѣ митр. Филарета, какую мы находимъ въ приведенномъ стихотвореніи. Онъ стоитъ на „высотѣ духовной,“ его голосъ — „величавый“, рѣчи — „благоуханны,“ ученіе — „чистый елей,“ сила — „кроткая и любовная“, его пѣнь звучитъ торжественно, какъ „арфа Серафима“. Много надо имѣть уваженія и безпристрастія, чтобы такъ отзываться въ отвѣтъ на обличительное стихотвореніе.

Вообще Пушкинъ въ своихъ произведеніяхъ нигдѣ не позволялъ себѣ глумиться надъ духовнымъ сословіемъ¹⁾, которое у многихъ свѣтскихъ писателей, къ

¹⁾ Исключеніе составляетъ только „Сказка о попѣ и его работникѣ Балдѣ“, но это сочиненіе представляетъ точное по духу и формѣ воспроизведеніе народной сказки, а въ народныхъ произведеніяхъ, какъ извѣстно, духовному сословію не посчастливилось (См., напр., былины объ Алешѣ Поповичѣ).

сожалѣнію, изображается въ непривлекательномъ свѣтѣ, въ комическихъ положеніяхъ. Какъ въ современной (м. Филаретъ), такъ и въ прошлой жизни Русскаго народа Пушкинъ умѣлъ отыскать и изобразить высокіе типы іерарха и отшельника. Мы разумѣемъ патріарха Іова и лѣтописца Пимена въ драматической хроникѣ: „Борисъ Годуновъ“. Чтобы ни говорили объ исторической вѣрности этихъ типовъ, для насъ важенъ тотъ фактъ, что Пушкинъ изобразилъ того и другого самыми привлекательными чертами. Патріархъ Іовъ изображается у него, какъ мудрый, но въ тоже время младенчески простодушный, кроткій, чуждый мірской суеты и политическихъ интригъ старецъ, всецѣло преданный интересамъ благочестія. А о неподражаемо-художественномъ, неотразимо-привлекательномъ образѣ древняго инока — лѣтописца мы и говорить не рѣшаемся. Чувствуемъ, что бѣдное и блѣдное слово наше бессильно изобразить художественную красоту этого типа.

Мы отмѣтили тѣ мѣста въ сочиненіяхъ Пушкина, гдѣ поэтъ выражаетъ мысли и чувства, вызванныя различными явленіями въ области религіозной жизни. Думаемъ, что эти мѣста въ своей совокупности даютъ намъ право видѣть въ Пушкинѣ поэта вѣрующаго, религіознаго. А такой поэтъ, естественно, въ своихъ произведеніяхъ проводитъ идеи и выражаетъ чувства, согласныя съ высокимъ христіанскимъ нравоученіемъ. Таковы, дѣйствительно, нравственные идеалы Пушкина. За исключеніемъ небольшой горсти стихотвореній эпикурейскаго характера, о которыхъ слѣдуетъ замѣтить то же, что было раньше сказано вообще о стихотвореніяхъ Пушкина съ отрицательнымъ направленіемъ, всѣ

остальные произведения Пушкина служат выражением высоко-правственных, поучительных идей. Выяснение тех высоких идеалов, провозвѣстникомъ которыхъ является въ своихъ произведенияхъ Пушкинъ, было бы весьма интересно и лучше всякихъ отвлеченныхъ соображеній обрисовало бы намъ личность поэта, но мы боимся злоупотреблять Вашимъ вниманіемъ и потому ограничимся самыми общими и бѣлыми замѣчаніями.

Начнемъ съ лирическихъ произведеній Пушкина.

Какъ ни разнообразно настроеніе поэта, какъ ни различны выражаемыя имъ чувства, „общій тонъ, господствующій въ лирикѣ Пушкина, есть всетаки вѣра въ будущее, любовь къ человѣку и природѣ, примиреніе съ жизнью, какъ бы ни была она тяжела и горька. Эта вѣра въ жизнь, въ любовь, добро, грядущій миръ и счастье была настолько глубока въ Пушкинѣ, что сказывается — болѣе или менѣе, конечно, — почти повсюду, почти во всѣхъ произведеніяхъ“¹⁾. У Пушкина мы не найдемъ того непонятнаго унынія, убивающаго всякую энергію, какимъ проникнуты элегіи большинства современныхъ поэтовъ, вѣчно ноющихъ и неумѣющихъ объяснить причины своего душевнаго настроенія. Не найдемъ мы у него и беспощадной злобы, неприимой вражды къ своимъ врагамъ и даже врагамъ отечества. Какимъ глубокимъ чувствомъ истинно-христіанскаго всепрощенія дышетъ его ода: „Наполеонъ“! Яркими красками изобразивъ все зло, причиненное На-

¹⁾ В. Н. Кунциій. Значеніе изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества. Кіевъ 1894 г., 21 — 22 стр.

полеономъ Россіи и Европѣ, поэтъ, примиренный его смертію, замѣчаетъ:

Искуплены его стяжанья

И зло воинственныхъ чудесъ

Тоскою душнаго изгнанья.

Подъ сѣнью чуждою небесъ.

И, отдавая должную дань удивленія военному гению Наполеона и сознавая всемирно-историческое значеніе событій 1812 года, Пушкинъ заканчиваетъ свою оду восклицаніемъ:

Да будетъ омраченъ позоромъ

Тотъ малодушный, кто въ сей день

Безумнымъ возмутитъ укоромъ

Его развѣнчанную тѣнь!

Хвала!.. Онъ Русскому народу

Высокій жребій указалъ

И міру высшую свободу

Изъ мрака ссылки завѣщаль!

Возмущаясь укорами побѣжденному врагу Россіи, уже умершему, Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи и во многихъ другихъ выражаетъ глубокое чувство патриотизма, чувство горячей любви къ родинѣ и сыновней преданности ея Верховному Правителю. Это чувство онъ выражаетъ всегда просто, искренно, естественно, безъ всякой лести, съ полнымъ благородствомъ ¹⁾).

Вотъ что отвѣчалъ поэтъ своимъ дузьямъ, упрекнувшимъ его въ лести за стихотвореніе „Стансы“ („Въ надеждѣ славы и добра“...

„Нѣтъ, я не льстецъ, когда Царю

Хвалу свободную слагаю:

¹⁾ Боже, царя храни (подрож. Жуковскому), „Друзьямъ“, „Стансы“, „Отвѣтъ“ и др.

Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ;
Онъ бодро, честно править нами,
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

Онъ нѣтъ, хоть юность въ немъ кипить,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:

Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творить.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подаль—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,

И я ль въ сердечномъ умиленъ
Ему хвалы не воспую?

Я—льстецъ? Нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ:

Онъ горе на царя накличетъ,

Онъ изъ его державныхъ правъ

Одну лишь милость ограничить.

Онъ скажетъ: презирай народъ,

Гнети природы голосъ нѣжный!

Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ—

Развратъ и нѣкій духъ мятежный!

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ

Одни приближены къ престолу,

А небомъ избранный пѣвецъ

Молчитъ, потупя очи долу“.

(„Друзьямъ“).

Искренность, простота, естественность и чистота чувства составляютъ главное достоинство лирическихъ произведеній Пушкина. Приведемъ отзывъ о нихъ чело-

вѣка болѣе, чѣмъ мы, компетентнаго въ этомъ дѣлѣ, г. Куницкаго. „Заговоривъ разъ о Пушкинѣ, замѣчаетъ г. Куницкій, я не могу не указать хотя вкратцѣ на его лирику, эту чудную, полную увлекающей поэзіи и при томъ такую въ полномъ смыслѣ слова здоровую нравственную лирику, подобной которой въ этомъ отношеніи я не знаю“¹⁾).

Тоже можно сказать и о тѣхъ идеяхъ, которыя легли въ основу эпическихъ произведеній Пушкина. Превосходство „дѣтей природы“, „робкихъ и добрыхъ душою людей предъ мощными, но холодными эгоистическими натурами („Цыгане“), значеніе правильнаго воспитанія, серьезнаго образованія, разумнаго труда („Евгеній Онѣгинъ“), возможность серьезной и чистой любви только для людей высоконравственныхъ („Капитанская дочка“), необходимость жертвовать личными интересами интересамъ общенароднымъ и государственнымъ („Мѣдный Всадникъ“), благодарная память потомства о великихъ государственныхъ дѣятеляхъ, не щадившихъ себя для блага Россіи („Полтава“), благотворное вліяніе христіанства на яравы („Голубь“), гибельныя слѣдствія жадности („Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ“), прощеніе согрѣшающимъ братьямъ („Анджело“) — вотъ главные мотивы важнѣйшихъ эпическихъ произведеній Пушкина.

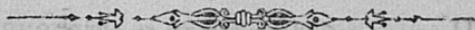
Общую мысль важнѣйшихъ драматическихъ произведеній Пушкина — можно выразить такъ: оскорбленное

¹⁾ Значеніе изученія словесности для нравственнаго воспитанія юношества. Кіевъ 1894 г., 21 стр.

нравственное чувство, уклоненіе человѣка отъ прямого пути добра и любви къ ближнему, упраздненіе нравственнаго контроля, подчиненіе страсти — неминуемо влекутъ за собою страданія и гибель. Вотъ, предъ нами Рыцарь въ которомъ скупость заглушила все добрыя человѣческія чувства, даже любовь къ сыну, и неожиданно свела его въ могилу („Скупой Рыцарь“). Вотъ, несчастный Царь — убійца, терзаемый совѣстью, тревожимый появленіемъ и успѣхами самозванца, нелюбимый народомъ, ненавидимый боярами, не смотря на свою правительственную мудрость, образованность и заботливость о народномъ благѣ. Онъ несетъ заслуженную кару за свое злодѣяніе; царскій престолъ исторгается изъ его рода („Борисъ Годуновъ“). Вотъ завистливый Саліери, отравляющій гениальнаго Моцарта и лишившійся чрезъ то надежды — считать себя гениальнымъ, потому что гений и злодѣйство — несовмѣстимы. Какіе высокіе нравственные уроки! Но мы намѣтили только общіе пункты. При болѣе обстоятельномъ обзорѣ предъ нашими умственными очами развернулся бы цѣлый міръ вѣковѣчныхъ идеаловъ, свѣтлыхъ типовъ, поучительныхъ картинъ, благородныхъ порывовъ, высокихъ подвиговъ, трогательныхъ сценъ, честныхъ стремленій, — но мы не дерзаемъ брать на себя такую широкую, непосильную для насъ задачу. Мы будемъ считать свою задачу выполненной, если слушатели согласятся съ нами, что А. С. Пушкинъ былъ поэтомъ искренне-вѣрующимъ, религіознымъ, что въ своихъ произведеніяхъ онъ „провозглашалъ чистое ученье любви и правды“;

что справедливо онъ сказалъ о себѣ:

„И долго буду тѣмъ народу я любезенъ,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу,
И милость къ падшимъ призывалъ“. (Памятникъ).

Чествованіе памяти А. С. Пушкина въ Уфимскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

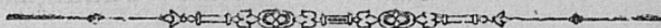
Съ дозволенія Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Густина, епископа Уфимскаго и Мензелинскаго, Епархіальное женское училище въ день столѣтней годовщины А. С. Пушкина (26 Мая) почтило память поэта скромнымъ чествованіемъ. Въ 9 часовъ утра началась Божественная литургія, совершенная законоучителемъ младшихъ классовъ священникомъ Н. А. Куклинымъ, а послѣ нея была отслужена панихида, во время которой присутствующіе усердно молились объ упокоеніи души раба Божія Александра. Черезъ 1/2 часа по окончаніи Богослуженія въ актовомъ залѣ училища, въ присутствіи Начальницы Е. И. Лапиной, чествованіе памяти поэта началось пѣніемъ гимна: „Зазвучали наши хоры...“, исполненнаго воспитанницами подъ управленіемъ

емъ воспитательницы Н. С. Максимовой. Затѣмъ преподавателемъ училища В. А. Некрасовымъ была прочитана изъ книги Е. и Д. Тихомировыхъ популярная и довольно обстоятельная статья: „Чѣмъ великъ и славенъ Пушкинъ“. По окончаніи чтенія воспитанницами училища были исполнены слѣдующія вокальныя и музыкальныя піессы: 1) Маршъ Черномора изъ оперы: „Русланъ и Людмила“, музыка Глинки (исполненъ на рояляхъ въ 8 рукъ воспитанницами училища: Никитиной, Надеждиной, Фелициной и Касимовской) 2) Пѣсня Пушкина: „Буря мглою небо кроетъ...“ (исполнилъ хоръ воспитанницъ) 3) Пѣсня: „Ахъ ты, доля моя, доля...“ (испол. хоръ). 4) Увертюра изъ оперы Чайковского: „Пиковая дама“ (исполнена на рояляхъ въ 8 рукъ) 5) Пѣсня: „Многи лѣта, многи лѣта, Православный Русскій Царь (исп. хоръ). Чествованіе поэта закончилось исполненіемъ народнаго гимна: „Боже, Царя храни!“ Послѣ этого ученицамъ старшаго класса (VI) были розданы брошюры: А. С. Пушкинъ“ Е. Д. Тихомировыхъ, изданіе „Библіотеки Дѣтскаго Чтенія“.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу въ книжномъ складѣ Уфимскаго Епархіальнаго Братства Воскресенія Христова книга, подъ заглавіемъ: „Уфимская епархія. Общегеографическій, этнографическій и административно-историческій и статистическій очеркъ“, составленный преподавателемъ Иван. Е. Златоверховниковымъ. Изданіе вышеозначеннаго Братства. 1899 г. 331+VII сгран. Цѣна 2 р. съ пересылкою наложеннымъ платежемъ.

Книга эта состоитъ изъ 3-хъ отдѣловъ: 1) общегеографическія свѣдѣнія объ Уфимской епархіи — губерніи, 2) административно-историческія свѣдѣнія объ Уфимской епархіи (краткій историческій очеркъ ея образованія и административныя ея дѣленіе и составъ, съ описаніемъ съ церковно-бытовой стороны всѣхъ городскихъ и сельскихъ приходовъ) и 3) состояніе Уфимской епархіи въ религіозно-нравственномъ, просвѣтительномъ и экономическомъ отношеніяхъ.

Редакторъ, Инспекторъ духовной Семинаріи, **Евгеній Зефировъ.**

Печатать дозволяется. Уфа, 15 Іюня 1899 г.

Цензоръ Священникъ **Евграфъ Еварестовъ.**

Губернская Типографія.

П Р И Б А В Л Е Н І Я

КЪ № 12 УФИМСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ
ВЪДОМОСТЕЙ.

О Т Ч Е Т Ъ

Уфимскаго Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи
церковныхъ школъ Уфимской епархіи за 1897⁷/₈
учебный годъ.

(Продолженіе).

III.

Учебное дѣло въ церковныхъ школахъ епархіи велось по программамъ учебныхъ предметовъ для этихъ школъ и согласно указаніямъ, сдѣланнымъ въ объяснительныхъ запискахъ къ программамъ.

Успѣхи обученія въ церковныхъ школахъ съ каждымъ годомъ замѣтно улучшаются и за отчетный годъ могутъ быть признаны вообще удовлетворительными.

Въ Петровской второклассной церковно-приходской школь преподаваніе велось по программѣ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. Первый классъ ея въ отчетномъ году имѣлъ въ составѣ своемъ два отдѣленія: младшее, въ коемъ было 29 учащихся, и среднее, въ коемъ 13 учащихся, а всего 42 человѣка, изъ коихъ 4 дѣвочки. Учительницею въ этомъ классѣ состояла Софья Наваретова и обученіе вела по программѣ одноклассной

церковно-приходской школы, познанія учащихся по всѣмъ предметамъ вполне удовлетворительны. Второй классъ состоялъ изъ двухъ отдѣленій: младшаго, въ коемъ было 9 учениковъ, и старшаго, въ коемъ было 7 учениковъ. Учителемъ состоялъ окончившій курсъ духовной Семинаріи Петръ Райскій.

По Закону Божію, согласно программѣ двухклассныхъ школъ, въ младшемъ отдѣленіи повторена Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завета и пройдены начальные свѣдѣнія изъ исторіи церкви, въ старшемъ отдѣленіи катихизисъ по руководству Митр. Филарета и ученіе о Богослуженіи. По церковно-славянской грамотѣ ученики читали по часослову, псалтири и евангелію, съ переводомъ на русскій языкъ непонятныхъ словъ и выраженій, причемъ изучена краткая этимологія церковно-славянскаго языка. По русскому языку съ учениками II класса пройдены подробно этимологія и синтаксисъ. Чтеніе ученики усвоили правильное, бѣглое и выразительное, причемъ большое количество басенъ и стихотвореній выучили наизусть. Писменные упражненія учениковъ, помимо диктовокъ, состояли изъ переложенія прочитанныхъ статей и изъ самостоятельныхъ описаній на такія, напримѣръ, темы: наши игры, первый снѣгъ и т. п. По счисленію съ учениками II класса пройденъ полный курсъ ариметики, съ рѣшеніемъ задачъ по задачнику Гольденберга. По Русской Исторіи пройдено все требуемое программю по учебнику Пуцковича, съ дополненіями изъ пространнаго руководства С. Рождественскаго. По географіи пройденъ краткій курсъ ея по учебнику Пуцковича.

По церковному пѣнію съ учениками занимается учитель Райскій, отлично знающій этотъ предметъ. Ученики весьма стройно поютъ всѣ пѣснопѣнія всенощнаго Богослуженія и литургіи по италіанской нотѣ, знаютъ и квадратную ноту по обиходу, хотя и не успѣли пройти всего по программѣ. Вообще состояніе Петровской школы въ учебно-воспитательномъ отношеніи слѣдуетъ признать вполне удовлетворительнымъ.

Обученіе въ двухклассныхъ церковно - приходскихъ школахъ — Топоринской и Семеновской, Уфимскаго уѣзда, и Златоустовской также ведено было согласно программамъ для сихъ школъ. Состояніе въ учебно-воспитательномъ отношеніи школъ Топоринской и Златоустовской слѣдуетъ признать вполне удовлетворительнымъ, а Семеновской — удовлетворительнымъ.

Результаты въ большинствѣ одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ по каждому предмету были таковы.

По Загону Божію учащіяся довольно обстоятельно усвоили Св. Исторію Ветхаго и Новаго Завета, знаютъ катихизисъ и ученіе о Богослуженіи, внятно и правильно читаютъ молитвы, съ разумнымъ усвоеніемъ не только значенія словъ и выраженій, но и самаго содержанія молитвъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ, особенно инородческихъ, ученики читаютъ молитвы невѣрно, съ пропускомъ словъ, и искаженіемъ, разсказы изъ Св. Исторіи передаютъ несвязно и непослѣ-

довательно, или заучиваютъ буквально по учебнику и отвѣчаютъ безъ остановки въ одинъ тонъ.

Церковно-славянское чтеніе учащіяся усвоили основательно: читаютъ бѣгло, правильно, внятно и благоговѣнно; доступныя пониманію мѣста передаютъ по-русски и знаютъ значеніе часто встрѣчающихся славянскихъ словъ и рѣченій. По русскому языку читаютъ плавно, бѣгло и выразительно, прочитанное передаютъ довольно связно; знаютъ достаточное количество стихотвореній и басенъ и читаютъ ихъ выразительно.

По письму — довольно правильно пишутъ въ каллиграфическомъ и орфографическомъ отношеніи подъ диктовку.

По счисленію — ученики основательно усвоили четыре ариѳметическихъ дѣйствія надъ простыми и именованными числами; упражнялись въ умственномъ счетѣ, хотя желательно, чтобы на это обращено было больше вниманія во всѣхъ школахъ. На письменное рѣшеніе задачъ, съ предварительнымъ выясненіемъ плана рѣшенія, не во всѣхъ школахъ обращено было должное вниманіе. По словамъ Белебеевскаго уѣзднаго наблюдателя, это зависть отъ того, что большинство учителей сами незнакомы съ приемами рѣшенія задачъ. Во всѣхъ школахъ ученики упражнялись въ выкладкахъ на торговыхъ счетахъ и довольно правильно умѣютъ производить на нихъ сложеніе и вычитаніе.

Церковное пѣніе по нотнымъ книгамъ, какъ требуется программой по сему предмету, не преподается ни въ одной одноклассной церковной школѣ. Во многихъ шко-

лахъ, за неспособностію учителя или учительницы къ церковному пѣнію, оно не ведется совершенно. Въ большинствѣ школъ практикуется исключительно способъ усвоенія пѣсньмъ съ голоса. Такимъ способомъ, какъ болѣе легкимъ и доступнымъ, ученики изучаются пѣнію общеупотребительныхъ молитвъ и нѣкоторыхъ пѣснопѣній всеночнаго бдѣнія и литургіи. Церковно — школьные хоры имѣются при слѣдующихъ школахъ: **Уфимскаго уѣзда** — Топорнинской двухклассной, Рязановской, Катавъ-Ивановской и Новотроицкой; **Мензелинскаго уѣзда**: Еланской, Бережно-Челнинской, Можаровской, Мелькенской, Онбійской, Борковской, Больше-Атинской, Сиреньвинской, Федотовской, Соболековской, Мордовско-Акташской, Балчиклы-Петропавловской, Багряшской, Князевской, Кузайкинской и Круглопольской; **Бирскаго уѣзда**: Гребенской, Падеждинской, Красно-Холмской, Якимковской, Кутеремской и Крещенской; **Белебеевскаго уѣзда**: Надеждинской, Иштерьякской, Николаевской, Чегодаевской, Шаранской, Юмашевской, Слакь-Башевской, Усинской, Ново-Иликовской, Семенкинской и Ново-Кармалинской; **Стерлитамакскаго уѣзда**: Троицкой, Варваринской, Верхоторской, Кравково-Ивановской и Покровско-Дурасовской; **Златоустовскаго уѣзда**: Михайловской, Кусинской, Еланьшской, Лемазинской и Александровской.

Занятія во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи велись по росписанію, составленному, согласно программамъ, Епархіальнымъ Наблюдателемъ и утверждаемому Епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ. Росписаніе это выпол-

нялось не вездѣ исправно, вслѣдствіе неумѣнія учителей вести одновременно занятія съ тремя отдѣленіями.

Во всѣхъ церковныхъ школахъ епархіи имѣлись классныя журвалы, разосланные отдѣленіями для записи содержанія уроковъ и отмѣтки учениковъ, не бывшихъ на урокахъ. Журналы ведутся учащими исправно и аккуратно, за исключеніемъ нѣкоторыхъ школъ грамоты, а также нѣкоторыхъ о.о. законоучителей, которые записываютъ свои уроки не всегда своевременно. Изъ журналовъ для записи ежедневныхъ занятій видно, что ученіе въ отчетномъ году началось въ большинствѣ церковныхъ школъ въ половинѣ Сентября, а въ прочихъ со 2-го Октября. Причина поздняго открытія занятій заключалась, главнымъ образомъ, въ незаконченности полевыхъ работъ, въ которыхъ принимаютъ участіе крестьянскія дѣти.

Окончились занятія въ большинствѣ школъ около 15 Мая, хотя послѣ Пасхи большая половина школьникова перестаетъ посѣщать школу. Въ теченіе года обычными причинами пропусковъ уроковъ, кромѣ полевыхъ и домашнихъ крестьянскихъ работъ, служатъ также неимѣніе теплой одежды въ суровые зимніе морозы, вскрытіе рѣкъ весной и обычай въ быту крестьянъ — справлять свадьбы при участіи всѣхъ родныхъ даже и дѣтей — школьникова. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще существуетъ обычай праздновать мѣстные храмовые праздники три — четыре дня.

Годичныя экзамены по окончаніи учебнаго года (съ половины Апрѣля и до первыхъ чиселъ Мая по мѣст-

нымъ условіямъ) производились учащими въ нѣкоторыхъ церковныхъ школахъ, а въ большинствѣ школъ такихъ экзаменовъ не производилось и ученики, съ открытіемъ весеннихъ работъ, сами переставали посѣщать школу. Для производства испытаній на льготу 4-го разряда по отбыванію воинской повинности составлялись особыя коммисіи, согласно §§ 5 и 8 правилъ о выдачѣ льготныхъ свидѣтельствъ. Такія испытанія въ отчетномъ году произведены были—въ Уфимскомъ уѣздѣ въ 41 школъ, въ Мензелинскомъ—въ 46, въ Бирскомъ—въ 27, въ Белебеевскомъ—въ 30, въ Стерлитамакскомъ—въ 26 и въ Златоустовскомъ—въ 10 школахъ. Испытательными коммисіями признаны окончившими курсъ съ правомъ на полученіе льготныхъ свидѣтельствъ: въ Уфимскомъ уѣздѣ—258 мальчиковъ, въ Мензелинскомъ уѣздѣ—160 м., въ Бирскомъ—127 м., въ Белебеевскомъ—119 м., въ Стерлитамакскомъ—119 м. и Златоустовскомъ—36 мальчиковъ, а всего 819 мальчиковъ. Сверхъ того 117 дѣвочекъ признаны окончившими курсъ съ выдачею имъ свидѣтельствъ о знаніи курса церковно-приходской школы.

IV.

Правильно организованныхъ сельскохозяйственныхъ заведеній въ отчетномъ году не было ни при одной церковной школъ епархіи, такъ какъ въ большинствѣ школы не имѣютъ собственныхъ участковъ земли. Только при Вотигѣвской церковно-приходской школъ, Уфимскаго уѣзда, имѣется образцовый огородъ, занимающій 420 кв. саж. Уфимская уѣздная земская управа бесплатно даетъ

огородныя сѣмена и инструменты, а въ 1897 году выдала 6 руб. денегъ на устройство парника, который и устроенъ съ осени 1897 года. Въ школьномъ огородѣ разводится болѣе 70 сортовъ растеній, какъ — то: картофель, свекла, морковь, капуста, огурцы, рѣдись, рѣдька, рѣпа, дыни, арбузы, тыквы, лукъ, салатъ, петрушка, горохъ, бобы, баклажаны и помедоры, — все эти растенія въ нѣсколькихъ сортахъ. При обработкѣ грядъ, при посадкѣ и уборкѣ участвуютъ все ученики и ученицы школы, которымъ раздаются сѣмена для домашняго огорода, а тѣмъ, родители которыхъ не имѣютъ огорода, даются въ школьномъ огородѣ особыя грядки, гдѣ они садятъ овощи для своего пользованія. При той же школѣ 220 кв. саж. разбиты подъ школьный садъ, гдѣ разсажены кусты и деревья: смородины, малины, яблони и деревья разной породы. Работы въ саду и огородѣ производились съ помощью учениковъ и ученицъ, которые съ удовольствіемъ исполняютъ эти работы. Все продукты съ огорода остаются въ пользу учительницы. — Въ школахъ — градо-Успенской и Шильнабашской, Бережно-Челнинской и Тогаевской — Мензелипскаго уѣзда разводятся сады. Учитель Якимковской церковно-приходской школы занимался съ учениками посадкой деревьевъ на школьной усадьбѣ, для чего онъ былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ лопатъ и топоровъ.

Въ Вотикѣвской церковно-приходской школѣ съ 1893 года открыты занятія по рукодѣлю: вышивка, шитье бѣлья, вязанье чулокъ, кружевъ и шарфовъ и плетенье поясовъ, плетенье изъ соломы рамокъ и карзинокъ; въ

1897 году открыто обученіе плетенію карзинъ изъ прута, на что земская управа выдала 10 руб. на матеріаль и инструменты; съ этого же года введено обученіе ткачеству на станкѣ „Самолетъ“. Ученицы ткуть сарпинку до 10 разныхъ рисунковъ. Ученицы Благовѣщенской церковно-приходской школы обучались вышиванью и вязанью; въ школахъ — Монастырской, Борковской, Соболековской, Еланской и Кузайкинской — Мензелинскаго уѣзда, въ Армяниновской — Бирскаго уѣзда, въ Каменской — Бижбулякской — Белебеевскаго уѣзда, въ Верхоторской — Стерлитамакскаго и Михайловской — Златоустовскаго уѣзда въ отчетномъ году преподавалось рукодѣлье: дѣвочки обучались вязанью на спицахъ, шитью и вязанью тамбурнымъ крючкомъ, строченью по холсту, шитью по канвѣ, шитью иглой, вязанью чулокъ, кройкѣ и шитью бѣлья. Обученьемъ указаннымъ рукодѣльямъ занимались учительницы сихъ школъ. Родители весьма благодарны за обученіе ихъ дочерей рукодѣлью.

Имѣя въ виду Высочайшее повелѣніе о надѣлѣ школъ участками земли, Мензелинское отдѣленіе съ своей стороны приняло уже подготовительныя мѣры къ организаціи занятій учащихъ сельскимъ хозяйствомъ. Съ этой цѣлью въ 1897 году и въ текущемъ 1898 году нѣкоторые учителя и учительницы церковныхъ школъ были командированы на сельско-хозяйственные курсы при Мензелинской сельско-хозяйственной школѣ. Въ 1897 году на сельско-хозяйственныхъ курсахъ были — учительница Сидоровской школы А. Сперанская и учитель Сарапалинской — Романъ Николаевъ. Въ настоящемъ году на

курсы командированы — учительница Горской школы М. Мельникова и учителя — Свѣтло-Озерской Асановъ, Юсупкинской — Тиховидовъ, Мелькенской — Бейкинъ и Бишевской Мионовъ.

Обученіе ремесламъ въ церковныхъ школахъ въ отчетномъ году не производилось.

V.

Забываясь объ умственномъ развитіи учениковъ, завѣдующіе школами и учителя обрацали должное вниманіе и на религіозно-нравственное воспитаніе учащихся въ духъ христіанской вѣры и благочестія. Живымъ словомъ, дѣломъ и личнымъ примѣромъ они старались пробуждать и воспитывать въ дѣтяхъ любовь къ Богу и ближнимъ, патріотическія чувства преданности и любви къ Царю и отечеству; старались воспитывать въ нихъ добрыя навыки къ молитвѣ, къ исправному посѣщенію храма Божія и благоговѣйному стоянію въ немъ, а также къ исполненію христіанскаго долга исповѣди и св. причастія, пріучали ихъ къ порядку, чистотѣ и опрятности, скромности и вѣжливости, къ аккуратному исполненію своихъ обязанностей, къ труду. — Въ учебные дни во всѣхъ школахъ предъ началомъ ученія совершались утреннія молитвы въ такомъ порядкѣ: сначала поется — „Царю Небесный“ и прочитываются остальные начальныя молитвы, затѣмъ читаются утреннія молитвы по учебному часослову. Чтеніе прерывалось пѣніемъ всѣми учениками молитвъ — „Богородице Дѣво, радуйся“, „Спаси, Господи, люди твоя“, „Достойно есть“ и читалась

(Продолженіе будетъ).

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ

Уфимскаго Епархіального Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества, состоящаго подъ Августѣйшимъ Покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, 16 Мая 1899 года, подъ предсѣдательствомъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Густина, Епископа Уфимскаго и Мензелинскаго.

По открытіи Преосвященнѣйшимъ Владыкою засѣданія, прочитанъ былъ Товарищемъ Предсѣдателя Дѣйст. Ст. Совѣт. Николаемъ Александровичемъ Гурвичемъ слѣдующій отчетъ за 1898 годъ.

Составъ Комитета:

Въ 1898 году выбылъ изъ состава совѣта Комитета членъ покойный Каѳедральный Протоіерей А. И. Никитскій, а новый Каѳедральный Протоіерей Е. Н. Соловьевъ еще до того состоялъ членомъ совѣта.

Дѣятельность Комитета:

Постигшее въ 1898 году сельское населеніе Уфимской губерніи бѣдствіемъ неурожая вызвало усиленную заботу и дѣятельность Комитета.— Еще на засѣданіи 7-го Іюня минувшаго года, Его Превосходительство Г—нъ Уфимскій Губернаторъ Николай Модестовичъ Богдановичъ обратилъ вниманіе общаго собранія на предвидѣвшуюся уже тогда неизбѣжную необходимость придти на помощь населенію, между прочимъ, устройствомъ даро-

выхъ столовыхъ въ особенности для пропитанія дѣтей, что имѣеть особенную важность для школьнаго контингента, въ томъ числѣ и дѣтей инородческаго населенія, обучающихся въ нашихъ Миссіонерскихъ школахъ. Велѣдствіе этого заявленія, Его Превосходительства, принятаго тогда съ живымъ вниманіемъ и сочувствіемъ, и единогласнаго, обращенія всего засѣданія къ Его Преосвященству объ употребленіи имъ ходатайства передъ Центральнымъ Управленіемъ Миссіонерскаго Общества, нашъ Преосвященнѣйшій Владыка, 20 Августа, обратился къ Высокопреосвященнѣйшему Московскому Митрополиту, какъ Предсѣдателю того Общества, съ ходатайствомъ объ оказаніи сказаннаго пособія. — Ходатайство Его Преосвященства увѣнчалось успѣхомъ и 2-го Ноября минувшаго года получена была отъ Совѣта Управленія одна тысяча рублей на устройство безплатныхъ столовыхъ при Миссіонерскихъ школахъ Уфимской губерніи. — Эта сумма, 12-го Ноября, была уже распредѣлена между Миссіонерскими школами, соразмѣрно нуждъ каждой изъ нихъ въ пособіи. — Но такъ какъ тогда же подоспѣла уже помощь губерніи отъ Краснаго Креста, дѣятели котораго также открывали безплатныя столовыя, то оказанная нашему Комитету Московскимъ Миссіонерскимъ Обществомъ субсидія, отъ которой по нѣкоторымъ школамъ оказались остатки, сослужила нашему Комитету насущную вспомогательную службу, доставивъ возможность оказать помощь и нѣкоторымъ учащимъ, очутившимся въ положеніи не менѣе бѣдственномъ, чѣмъ и учащіеся, по случаю не урожая, а также дала возможность удовлетворить и нѣкоторымъ другимъ нуждамъ школъ, которыя, по обстоятельствамъ того бѣдственнаго для населенія времени, оставались бы безпомощными. — Такимъ образомъ, какъ сказано выше, дѣятельность и попечительность нашего Комитета въ 1898 году усложнились и, если, какъ

видно изъ сообщеній близко стоящихъ у нашего школьнаго дѣла лицъ, ходъ и успѣхи этихъ школъ въ томъ, бѣдственномъ для мѣстнаго населенія году, не ослабли, то это нельзя не считать утѣшительнымъ для насъ явленіемъ, въ виду тревожнаго положенія, въ которомъ находится нашъ Комитетъ, о чемъ будетъ выяснено ниже. Умѣстно будетъ, по случаю затруднительнаго положенія нашего Комитета въ настоящее время, и въ виду тревожной его будущности, сдѣлать краткій общій обзоръ дѣятельности нашего Миссіонерскаго Комитета за короткое, сравнительно говоря, (съ небольшимъ 22 года) время его существованія. — Для этого можно раздѣлить это время на два періода: періодъ церковно-религіознаго воздѣйствія и періодъ просвѣтительно — школьнаго воздѣйствія. — Первый періодъ объемлетъ время съ открытія Комитета до кончины блаженной памяти Преосвященнаго Діонисія. — Этотъ періодъ ознаменованъ насажденіемъ церквей среди крещено — инородческаго населенія, что, безъ сомнѣнія, положило краеугольный камень возрожденію нашей Миссіонерской работы. — Всѣмъ хорошо извѣстно, что крайне рѣдкое существованіе церквей, а мѣстами и со всѣмъ отсутствіе ихъ на большихъ пространствахъ инородческаго поселенія, были одною изъ главныхъ причинъ того печальнаго положенія, въ которомъ нашъ Комитетъ засталъ существовавшее въ Уфимской епархіи, фиктивное можно сказать, миссіонерство. Съ помощію Божіею и благодаря неусыпной и энергичной заботливости усопшаго Владыки Діонисія, съ большими усиліями въ пріобрѣтеніи средствъ, а мѣстами и въ борьбѣ съ закоренѣлою косностью инородческаго населенія и съ поднявшею было голову гидрою фанатиковъ муллъ, сооружено достаточное пока число церквей. — Однакожъ нельзя сказать и успокоиться совершенно относительно спасательнаго воздѣйствія насажденныхъ церквей. Онъ

не перестаютъ требовать печалованія о нихъ нашего Комитета; нужно неослабно пещись о снабженіи этихъ церквей „пастырями добрыми“, которые если „не душу свою клали бы за овцы свои“, то по крайней мѣрѣ сильную и добрую волю и умѣніе; которые бы не ограничивались одною церковною службою и исполненіемъ требъ, а работали бы неусыпно миссіонерски, вытѣсняя глубоко укоренившееся въ населеніи невѣжество и магометанское соблазненіе и совращеніе, и освѣщая этотъ мракъ кромѣшный яркимъ свѣтомъ ученія Христова. *Etia desideria* остаются однакожъ пока пріятною мечтою, въ виду крайне скудныхъ средствъ духовенства тѣхъ церквей, о чемъ такъ убѣдительно выяснено нами въ отчетѣ за минувшій годъ. — Итакъ, въ отношеніи этой нашей миссіи выпукло выдается и стоитъ на пути денежный вопросъ.

Переходимъ къ обзору втораго періода дѣятельности нашего Комитета — просвѣтительно — школьному. — Если и въ предшествовавшемъ періодѣ — церковнаго воздѣйствія — школы начали свою работу, то во второмъ періодѣ онѣ уже выступили на первый планъ и нельзя не видѣть въ нихъ залога свѣтлой и обѣщающей будущности нашей Миссіи. — Питомцы этихъ разсадниковъ, какъ добрыя всхожія сѣмена оплодотворяютъ обширную ниву Христову, которая, отъ неудовлетворительнаго воздѣйствія въ давно прошедшее время, заросла было волчцемъ и терніемъ и представляла мерзость заустѣнія. — Второй этотъ періодъ нарочитаго воздѣйствія школъ начался главнымъ образомъ только недавно, въ послѣдніе 2—3 года и знаменуется преимущественно учрежденіемъ Преосвященнѣйшимъ Владыкою нашимъ церковнаго братства нашей Епархіи, которое объединило дѣятельность нашего духовенства и направило стремленія ихъ къ опредѣленнымъ намѣченнымъ центрамъ, между которыми для нашего

Миссіонерскаго дѣла весьма важенъ отдѣлъ просвѣтительный съ Миссіонерскимъ отдѣломъ и, еще важнѣйшимъ, училищнымъ совѣтомъ. Вполнѣ можно сказать, что училищный совѣтъ въ настоящее время главная опора нашего Комитета и только отъ успѣшнаго веденія имъ нашихъ школъ, по крайней мѣрѣ хотя бы въ такомъ отрядномъ видѣ, въ которомъ онѣ находятся теперь, благодаря, опять скажемъ, неусыпной и энергичной работѣ училищнаго совѣта, можемъ ожидать обезпеченной будущности нашего Христова дѣла. И относительно школъ, какъ и въ отношеніи церквей, нельзя не сказать, что слѣдуетъ подумать и о положеніи учащихся и слишкомъ скудномъ получаемомъ ими вознагражденіи, особенно при постоянномъ вздорожаніи у насъ предметовъ жизненной потребности. — Максимумъ получаемаго ими жалованія 160 руб. въ годъ и нисходитъ до 90 руб. Нельзя требовать отъ работника всецѣлой преданности дѣлу, если его гнететъ насущный кусокъ хлѣба. И вотъ и на этомъ то пути передъ нами близко, и можно сказать угрожающе, воздвигается денежный вопросъ — быть или не быть Миссіонерскимъ школамъ, какъ будетъ указано ниже не умолимыми цифрами, а не будетъ Миссіонерскихъ школъ — вотще окажутся наши работы въ прошломъ и настоящемъ и наши надежды на свѣтлую будущность.

Переходимъ къ самимъ школамъ. — Въ отчетномъ году работали „41“ школа; — изъ нихъ 4 женскихъ, 37 смѣшанныхъ (мальчиковъ и дѣвочекъ). — Изъ числа школъ помѣщались въ собственныхъ домахъ 22 и въ наемныхъ квартирахъ 19. — Учащихся было: 1210 мальчиковъ и 292 дѣвочекъ, всего: 1502. Такъ какъ общее число крещеныхъ инородцевъ доходитъ до 140000, то, полагая на дѣтей школьнаго возраста до 10% или до 14., выходитъ, что обучается изъ этого школьнаго кон-

тингента только до 10⁰/₀; конечно нельзя не желать увеличения этого недостаточнаго числа обучающихся, но въ настоящее время можемъ быть довольны и этимъ числомъ и печалиться только о томъ, чтобы хоть и это число малыхъ сихъ не осталось безъ духовно-нравственнаго вскорр-мления и воспитанія. —

Сообщенныя о.о. Благочинными и Священниками свѣдѣнія о ходѣ дѣла въ нашихъ Миссіонерскихъ школахъ весьма отрадны, изъ нихъ приводимъ сообщенія о Петрова, какъ болѣе обстоятельныя и изобразительныя, но его свѣдѣнія повторяются болѣе или менѣе пояснительно и въ другихъ сообщеніяхъ. Отецъ Петровъ, нашъ преданный дѣлу и энергичный дѣятель, пишетъ: „Школьное обученіе и воспитаніе дѣтей въ Миссіонерскихъ школахъ постановлены въ строго — церковномъ духѣ. Программа и система обученія, которія довольно подробно изложены были въ отчетѣ за 1897 годъ, въ общихъ чертахъ представляютъ намъ порядокъ, который указанъ въ программѣ Н. И. Ильминскаго. Школьный курсъ принять четырехгодичный. Начало учебнаго года колеблется между 1 и 15 Сентября, а конецъ обусловливается назначеніемъ совѣта отдѣленія для выпускнаго экзамена, каковой бываетъ отъ послѣднихъ чиселъ Апрѣля до 15 Мая.

(Продолженіе будетъ).

Содержаніе. Отдѣлъ официальный. Епарх. распор. и извѣстія. Епархіальная хроника.

Отдѣлъ неофициальный. Слово. Честв. памяти А. С. Пушкина. Рел.-нрав. элем. въ соч. Пушкина. Честв. памяти А. С. Пушкина въ ж. Еп. Уч.

Объявленіе о новыхъ книгахъ.

Прибавленія къ № 12 Уф. Еп. Вѣд. Отчетъ Еп. наблюд. за 1897⁷/₈ уч. годъ. Дух. алфавитъ Св. Димитрія Ростовскаго въ перев. по-рус. яз. Еп. Иустина.

Редакторъ, Инспекторъ духовной Семинаріи, Евгений Зефировъ.

Печатать дозволяется. Уфа, 15 Юня 1899 г.

Цензоръ Священникъ **Евграфъ Еварестовъ.**

Губернская Типографія.

Глава десятая.

О томъ, чтобы все желаніе свое устремлять къ Богу и къ Нему прилѣпляться любовію.

1.

Всегда—безпрестанно вопій ко Господу Богу твоему—всѣмъ сердцемъ твоимъ, да соединишься съ Нимъ. Всѣ желанія и намѣренія свои къ Нему возноси, да всегда имѣешь Его съ собою. День и ночь воздыхай къ Нему, да весь погрузишься въ любовь Его.

2.

Какъ тебѣ не вопіять къ Богу? Какъ не устремлять къ Нему всего желанія твоего? Какъ тебѣ не любить Его всѣмъ сердцемъ? Какъ тебѣ не прилѣпляться къ Нему всею душою своею, и всею крѣпостію своєю? Вѣдь Онъ—твой Богъ, твоя слава, твое спасеніе, твоя вѣчная жизнь.

3.

Припади горячею любовію къ Господу Богу твоему; прилѣпись къ Нему всѣмъ сердцемъ твоимъ; возлюби Его отъ всей души твоей; и ничего не ставь выше любви Его. Ибо это есть для тебя животъ вѣчный, чтобы ты позналъ Господа Бога твоего, и возлюбилъ Его всѣмъ сердцемъ твоимъ, и прилѣпился къ Нему всею душою твоею.

4.

Имѣй сердце горѣ къ Богу, отвращаясь отъ всего дольняго, какъ ненадежнаго и обманчиваго. Пригвозди сердце твое тамъ, гдѣ вѣчно имѣешь быть съ нимъ. Туда стремись, откуда имѣешь начало и бытіе свое.

5.

Осмотришься кругомъ, и увидишь, что въ мірѣ вѣтъ ничего надежнаго, кромѣ того, чтобы быть всегда при Богѣ, и съ Нимъ наслаждаться Его Божественною славою, вѣчно о Немъ веселиться. Все иное суетно,— все погибнетъ; одно только это останется на вѣки.

Духовный Азбавитель.

6.

Не унывай, человекъ, не унывай, и въ Божественной любви Господней не охладѣвай, но всегда гори и пламенѣй въ любви Его, — всегда распалѣй сердце свое, — всегда вопій къ Нему, да не останешься во тьмѣ нечувствія и окамененія.

7.

Восходи, человекъ, восходи любовію къ Господу Богу твоему. Всякій день полагай въ сердце твоемъ успѣшное восхожденіе, — да восходишь къ Нему непрестанно — день и ночь — желаніемъ и любовію, и всею душею прильпишься къ Нему.

8.

Имѣй сердце твое уязвленнымъ любовію къ Богу. Всегда обращай къ Нему вожделѣнныя слова Господни: *уязвленъ есмь любовію и добротою твоею, Женише мой сладчайшій! Въ слѣдъ Тебе теку, въ воню мѣра Твоего, Его же вожделѣ душа моя, Его же возлюби мое сердце* (Пѣсн. Пѣсн. гл. 1.).

9.

Все желаніе и утѣшеніе свое имѣй въ Богѣ; и всегда взывай къ Нему съ Пророкомъ: *имже образомъ желаетъ елень на источники водные, сице желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже* (Пс. 41). И: *Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреню, возжада душа моя, коль множицею Тебѣ плоть моя* (Пс. 62)!

10.

Цѣлю и намѣреніемъ твоимъ да будетъ Одинъ Господь, пристанищемъ же и упованіемъ пресвятая Его любовь. Будь плѣненъ желаніемъ и любовію къ Нему, чтобы получить искомое и дерзновенно сказать: „пріидите и посмотрите, я получилъ то, чего искалъ, и напелъ желаемаго, пресладкаго Господа Іисуса!“

Глава одиннадцатая.

О томъ, чтобы къ **Одному** Господу имѣть любовь, и ни-
чего не почитать выше **Его** любви.

1.

Да будетъ сердце твое всегда уязвлено Божественною любовію, чтобы тебѣ возможно было, съ усердіемъ, день и ночь, идти въ слѣдъ Христа. Прильпись къ Нему всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душою твоею, чтобы все у тебя было успѣшно и свободно отъ паденій, чтобы все было желательно — *благоугодно* и радостно, — чтобы ты не сомнѣвался въ спасеніи твоёмъ.

2.

Гори и распалаяйся Божественною любовію, чтобы это всегда было твоимъ утѣшеніемъ. Все раченіе и желаніе твое направляй къ Нему, да весь погрузишься въ любовь Его, и пребудешь съ Нимъ *едино*, никогда не разлучаясь.

3.

Ничто да не отторгнетъ тебя отъ Божественной Господней любви, ничто да не воспрепятствуетъ тебѣ, ничто да не прекратитъ ее въ тебѣ, — ни огонь, ни мечъ, ни гладъ, ни гоненіе, ни глубина, ни высота, ни настоящая, ни будущая; но пусть она только одна пребываетъ всегда въ душѣ твоей.

4.

Старайся, трезвися, и прилагай всякій день усердіе къ усердію, да всегда восходишь къ Нему желаніемъ и любовію, да всегда распаляешь къ Нему сердце свое, да будешь весь въ Богѣ и Богъ въ тебѣ, да обрящешь тихое пристанище душѣ своей, и сподобисья вѣчныхъ благъ.

5.

Ищи Господа день и ночь всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею, да обрѣтши Его, найдешь вѣчное сокровище и богатство, и исполнишься всехъ благъ: *взыскающіи бо Его не лишатся всякаго блага*, и получатъ великую благодать и милость.

6.

Все свое упованіе, все сокровище, все богатство свое имѣй въ Богѣ; всю славу и наслажденіе свое въ

Немь полагай. Это одно не обольстително и не тщетно. Это одно пребудеть съ тобою въ будущей вѣчной жизни, и ты получишь благую часть, которая не отнимется отъ тебя во вѣки.

7.

Всегда день и ночь, непрестанно вопій къ Богу, — день и ночь утренней къ Богу, день и ночь взыскуй Бога, да обращаешь Его, да найдешь Искомага, *ищай бо, несомнѣнно обряцетъ, и просай, безъ сомнѣнія прииметъ, и толкущему отвержется*, сказалъ Господь (Мф. зач. 20). Помви, что всѣ святые имѣли великую ревность и неутолимую любовь къ Богу. Отъ сильной любви къ Богу они даже забывали иногда: въ тѣлѣ ли они? Ты же и малаго не имѣешь, что бы могъ сказать въ день суда!

8.

Почему не сдѣлается для тебя сладкимъ пресвятое имя Господа Иисуса? Почему не разжеться и не распалится окамененное сердце твое? Почему предпочитаешь обольстителную мрачную суету радостному — пресладкому взысканію ко Господу? Зачѣмъ предпочитаешь окаявную, расслабляющую лѣнь усердному и теплomu восклицанію къ Богу? Вопій, вопій, не лѣни-

ся, восклицай къ Нему тшательно—*нечувствуя*. Не дагай сна очамъ твоимъ, и зеницамъ дреманія, пока не обрящешь Искомага, и не получишь желаемаго, и не соединишься съ Присносущнымъ.

9.

Возлюби Господа твоего отъ всего сердца твоего, отъ всея крѣпости твоя, и отъ всея души твоя, чтобы быть тебѣ способнымъ и ревностнымъ на всѣ Богоугодныя дѣла. Теперь ты тяготишься и унываешь въ твореніи Богоугоднаго дѣла потому, что не искренно—*не истинно* любишь Господа твоего. Если бы ты истинно возлюбилъ Бога; то не лѣнился бы на славословіе Пресвятаго имени Его, не унывалъ бы въ дѣлѣ Богоугодномъ: *аще бысте любили Мене*, сказалъ Господь, *возрадовались убо бысте о Мнѣ* (Іоан. зач. 49).

Если возлюбишь Его всемъ сердцемъ,—не будешь лѣниться. Если прилѣпишься къ Нему всею душею твоею,—все для тебя будетъ радостно, любимо, желательно; ибо любящему Бога все, Его ради, любимо и желательно.

10.

Всякая слава и богатство сего міра есть суета; всякое наслажденіе и похоть плотская есть обольщеніе; всякая любовь внѣшняя—земная есть ложь и лицемеріе. Одно только то не имѣетъ и тѣни обольщенія,

чтобы возлюбить всѣмъ сердцемъ своимъ, всею душею своею, всею крѣпостію своею Единого Бога, къ Нему прильпиться и ничего не почитать выше любви Его. Это только одно пребудетъ съ тобою вѣчно; это только одно чуждо оболщениа. Въ этомъ для тебя жизнь вѣчная; въ этомъ нескончаемая радость и присносущное наслажденіе. Да будетъ Самъ Онъ одинъ твоимъ утѣшеніемъ и наслажденіемъ вѣчнымъ; да будетъ твоею радостію и веселіемъ Его пресвятая любовь. Лучше и честнѣе сего не найдешь ничего ни на землѣ, ни на небѣ. Имѣй это дороже всѣхъ сокровищъ, драгоцѣннѣе всѣхъ многоцѣнныхъ маргаритовъ и алмазновъ. Это одно да будетъ тебѣ вѣчнымъ утѣшеніемъ, и радостію, и веселіемъ, славою и наслажденіемъ. Яко тому подобаетъ всякая слава, честь и держава, со безначальнымъ Его Отцемъ, и съ пресвятымъ и благимъ, и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.

Здѣсь конецъ тридцати тремъ главамъ.

Главы сіи составлены по числу лѣтъ земной жизни Господа. Прочитавшій сіи главы да позаботится со тщаніемъ, оставивъ младенческое мудрованіе, придти въ мужа совершенна, и достигнуть мѣры возраста исполненія Христова.

Слѣдующія же пятичувственныя главы — положены
особо — въ концѣ, внѣ числа, для того, чтобы прочиты-
вающій ихъ, всякій день, всегда возводилъ къ Богу
свои сугубыя — пятчисленныя чувства; и ставъ выше
всего видимаго и разумѣваемаго, возлеталъ умомъ *выспрь*;
и, будучи погруженъ въ глубину разума и таин-
ственнаго познанія, — будучи, притомъ, неизреченно и
недовѣдомо, соединенъ въ тайномъ соединеніи съ не-
видимымъ, безпрестанно сердцемъ и умомъ, — всегда
возносилъ сіи стихословія, горячо зывая: *Возлюблю
Тя, Господи, крѣпосте моя, Господь утверждение мое,
и проч.*

Первое стихословіе

любезнаго къ Богу зыванія.

1.

Возлюблю Тя, Господи, крѣпосте моя! Господь утвержденіе мое, и прибѣжище мое, и Избавитель мой, Богъ мой, Помощникъ мой и уповаю на Него, Защититель мой, и рогъ спасенія моего, и Заступникъ мой, хвала призову Господа, и отъ врагъ моихъ спасуся (Псал. 17-й).

2.

Коль возлюбленна селенія Твоя, Господи силы! Желаетъ и скончаваается душа моя во дворы Господни. Сердце мое и плоть моя возрадовастася о Возѣ живѣ. Блажени живущіи въ дому Твоемъ, въ вѣки вѣковъ восхвалять тя. Лучше день единъ во дворѣхъ Твоихъ, Господи, паче тысящъ. Изволихъ приметатися въ дому Бога моего паче, неже жити ми въ селеніихъ грѣшничь (Псал. 82).

3.

Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи! весь день поученіе мое есть. Коль сладка гортани моему словеса

Духовный Алфавитъ.

Твоя! паче меда устомъ моимъ. Сего ради возненавидѣхъ всякъ путь неправды. Свѣтильникъ ногама моима законъ Твой и свѣтъ стезямъ моимъ. Оправданія Твоя вождельнна суть, Господи, паче злата и камене честна многа, и слаждша паче меда и сота. (Псал. 118).

4.

Коль благъ Богъ Израилевъ правымъ сердцемъ! Коль многое множество Благости Твоея, Господи, юже скрылъ еси боящимся Тебе, содѣлалъ еси уповающимъ на Тя, предъ сыны человѣческими! Скрыеши ихъ въ тайнѣ лица Твоего отъ мятежа человѣческа. Обаче Богови повинися, душе моя, яко отъ Того терпѣніе мое, ибо Той Богъ мой и Спасъ мой, Заступникъ мой: не подвижуся во вѣкъ. (Псал. 72, 30, 61).

5.

О Божѣ спасеніе мое и слава моя. Божья помощіи моя и упованіе мое на Бога. Уповайте на Него, весь сонмъ людей. Изліяйте предъ Нимъ сердца ваша, яко Богъ Помощникъ нашъ есть. Не уповайте на неправду и на восхищеніе оне желайте. Богатство таше течеть, не прилагайте сердца. Единою плагола Богъ, двоясїя слышахъ: зане держава Божія, и Твоя, Господи, милость, яко Ты воздаси коемуждо по дѣломъ его.

6.

Боже, Боже мой, къ Тебѣ утреннюю: возжада Тебе душа моя, коль множицею Тебе плоть моя, въ земли пусть и непроходнѣ и безводнѣ. Тако во святѣмъ явихъ

ся Тебѣ—видѣти силу Твою и славу Твою, яко лучше милость Твоя паче животъ. Устнѣ мои восхвалитѣ Тя, тако благословлю Тя въ животѣ моемъ. О имени Твоемъ воздѣжу. руцѣ мои. Прилиѣ душа моя по Тебѣ, мене же пріять десница Твоя. (Псал. 62).

7.

Имже образомъ желаетъ елень на источники водныя, сице желаетъ душа къ Тебѣ, Боже, возжада душа моя къ Богу крѣпкому живому: когда прійду и явлюся лицу Божию? Молитва Богу живота моего, реку Богу: Заступникъ мой еси, почто мя забылъ еси, и вскую сѣгую хожду, ввсегда оскорбляетъ врагъ? (Псал. 42).

8.

Господь просвѣщеніе мое и Спаситель мой, — кого убоюся? Господь Защититель живота моего, отъ кого устрашуся? Едино просихъ отъ Господа, то взыщу: еже жити ми въ дому Господни вся дни живота моего, зрѣти ми красоту Господню, и посѣщати храмъ святыи Его. Взыска Тебе лице мое, Лица Твоего, Господи, взыщу. (Псал. 26).

9.

Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое. Воспою и пою въ славѣ моей. Востани слава моя, востани псалтирю и гусли: встану рано. Исповѣмся Тебѣ въ людехъ, Господи, пою Тебѣ во языцѣхъ, яко велія верху небесъ милость Твоя, и до облакъ истина Твоя. Вознесися на небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя. (Псал. 107).

10.

Ты еси, Боже, держава моя, разжи утробы моя и сердце мое, яко милость Твоя предъ очима моима есть.

Посли свѣтъ Твой и истину Твою: та мя настависта,

и введоста мя въ гору святую Твою, и въ селенія

Твоя и вниду къ жертвеннику Божию, къ Богу, весе-

лящему юность мою. Исповѣмся Тебѣ въ гуслехъ, Бо-

же, Боже мой. Вскую прискорбна еси, душе моя, и

вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся

Ему, спасеніе лица моего и Богъ мой. (Псал. 25. 42).

Второе стихословіе

ЛЮБЕЗНАГО КЪ БОГУ БЕСЪДОВАНІЯ.

1.

Да будетъ, Господи, сердце мое всегда уязвлено и уранено Божественною Твоею любовію, да глаголю присно съ Пророкомъ сія рачительная словеса: „уязвленъ есмь добротою Твоею, женише мой сладчайшій, въ слѣдъ Тебе теку, въ вою мугра Твоего, егоже вождель душа моя. Гдѣ пасеши, и гдѣ почиваеши въ полудни? Гдѣ возсіяваеши свѣтъ? Гдѣ просвѣщаеши тьму? Гдѣ утѣшаеши любимыя? Гдѣ рачители Твоя упокояеши и исполняеши ихъ Божественное желаніе?“ (Пѣсн. Пѣсн. 1).

2.

О превожделѣннѣйшій Господи господей! О пресладчайшій въ сладостехъ премірныхъ! О прелюбезнѣйшій въ любезныхъ, всякъ умъ, всяку мысль превосходящій! О любви, кто жъ Тя достойнѣ возлюбитъ? Кто достойнѣ къ Тебѣ всею сердцемъ прилѣпится? Кто Тя достойнѣ до сердца своего приметъ? О Божественнаго Твоего желанія! О Божественныя славы присносущнаго Твоего осіянія!

3.

О Боже мой! Что ми есть на небеси? И что вѣще отъ Тебѣ восхотѣхъ на земли? Точію еже жити ми въ Божественномъ Твоёмъ желаніи. Сіе точію едино да будетъ ми сокровище и вѣчное богатство. Сіе точію едино да будетъ ми пища, и питіе, и присносущное наслажденіе. Сіе точію едино да будетъ ми слава и похвала, велелѣпіе же и одѣяніе свѣтло, да совлекшися плоти, не нагъ въ день страшнаго Твоего суда обрящуща; но съ Тобою, Господемъ моимъ и Богомъ, во вѣки вѣчныя пребуду, никогда же отлучаяся. (Псал. 72).

4.

Господи! всё желаніе и воздыханіе мое да будетъ въ Тебѣ. Все желаніе мое и раченіе мое въ Тебѣ единомъ да будетъ, Спасителю мой! Все изволеніе мое и помышленіе мое въ Тебѣ да углубится, и вся кости моя да рекутъ: Господи, Господи! Кто подобенъ Тебѣ, кто соравнится силѣ, благодати и премудрости Твоей? Вся бо премудрѣ, и праведнѣ, и благоутробнѣ о насъ устроилъ еси.

5.

Разжи утробы моя! и сердце мое яко милость Твоя предъ очима моима есть. Разжи утробы моя и сердце мое, Боже живота моего. Разжи и умягчи душу мою, яко да вся истаесть и изліется предъ Тобою, Господи, да всѣхъ буду въ Тебѣ, Ты же во мнѣ, Благодарителю мой! да сице съ Тобою — Богомъ моимъ — соединенъ бывъ, никогда отъ Тебе и Божественныя Твоя любве устранюся.

6.

Гдѣ бо моей души имать быти непремѣнное опочиваніе? Гдѣ уму пристанище? Гдѣ сердцу непреложная тишина и покой? аще не въ Тебѣ, Господи, — аще не Ты самъ душу мою увоекоеши, и присносущное утѣшеніе даруеши?! Вся бо міра сего радость — плачь есть, всякое утѣшеніе его — скорбь и печаль, — всяко наслажденіе земное, горесть и тяжесть души, — всяка любовь плотская — ложь есть и лицемеріе, вѣсть свойственна и извѣстна души моей ни едина міра сего сладость; но Ты единъ да будеши ми радость и веселіе, и вѣчное присносущное наслажденіе.

7.

Да не любодѣйствую въ сердцѣ моемъ отъ Тебе — Господа — моего съ тварію; но да всѣмъ сердцемъ моимъ прилѣплюся Тебѣ, всю тварь сотворшему, да ничтоже предпочитаю паче Тебе, — да ничтоже возлюблю, кромѣ Тебе — Господа моего, — источника жизни. Да не возлюблю славы міра сего, и богатства исчезновеннаго, ни красоты тѣлесныя, ни наслажденія плотскаго временнаго; но Ты единъ да будеши моя слава и похвала, богатство и сокровище, пища и питіе, и присносущное утѣшеніе.

8.

Како Тебе не имамъ любить — Господа моего, Иже мя всего создалъ еси? О, Боже мой, како не имамъ къ Тебѣ прилѣпиться, иже мя всего сотворилъ еси? Како не имамъ къ Тебѣ присоединиться, Иже мя всего содержиши, живиши, питаеши, насыщаеши, печеши и промышляеши, вся благая и спасенная о мнѣ дѣеши, и маниемъ

своимъ; якоже вѣси, устрояеши мнѣ вся къ полезному? Како не распадетмися окаянное сердце? Како не разжетмися мрачная душа? Како вся внутренняя моя не распадется къ Божественному Твоему желанію и любви?

9.

Како же убо трава сый присоединенъ буду Божественному Ти огню, о Боже мой? Како тлѣніе временное соединюся Тебѣ всегда присносущному? Како мраченъ сый прилѣплюся къ Тебѣ — невечернему свѣту? Како смертенъ присоединенъ буду безсмертному? Присоедини мя Ты Самъ, Господи, якоже вѣси, благодѣтелю мой? Просвѣти, научи мя воли твоея святыя, распали, разжи душу мою Божественною Твоею любовію, да ничтоже ино возлюблю, токмо Тебе — Единаго Источника жизни и безсмертія.

10.

О, Боже мой! возсіай ми свѣтъ Твоего разума, просвѣти мрачную ми душу, распали и разжи сердце мое и утробы моя, яко огнь, къ Божественной Твоей любви, о Создателю мой да выву славлю, величаю и воспѣваю Твое пресвятое имя и неизреченное чловѣколюбіе. Яко Ты насъ присно милуеши, ущедряеши и защищаеши уповающихъ и надѣющихся на Тя. Яко Тебѣ подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Ти Отцемъ, и пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ, аминь.